

Служанка с Приданным для Генерала Дракона

Унесса Толд

Служанка с Приданным для Генерала Дракона

Унесса Толд

Инесса Голд

Служанка с Приданным для Генерала Дракона

<https://litres.ru/74308953>

Аннотация

Генерал Валериан Блэквуд — чудовище, чья магия выжигает всё живое. Его боятся враги, слуги и даже сам Император. Чтобы выжить, мне пришлось постучаться в двери его проклятого замка. Я всего лишь скромная служанка с даром бытовой магии, которая мечтает спрятаться от прошлого. Но у меня есть тайна, за которую казнят. Мой маленький сын. Генерал поставил условие: «Никаких детей. Услышу хоть писк — вышвырну». Он думает, что нанял безмолвную тень, которая просто уберет пыль. Он не знает, что мой сын прячется в шкафу, а моя магия — единственное, что удерживает Генерала от безумия. И уж точно никто из нас не ожидал, что, когда прошлое настигнет меня, именно это Чудовище станет моей единственной защитой.

В тексте есть: Властный герой с тяжелым характером ♥# Неунывающая героиня и бытовая магия Ребенок, который всех построит ☆☆ Истинная пара Уют и обустройство замка ⚡ От ненависти до любви

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6 (Эми/Тим)	72
Глава 7 (Валериан)	83
Глава 8	92
Глава 9	100
Глава 10	111
Глава 11	120
Глава 12	131
Глава 13 (Тим/Эми)	142
Глава 14	153
Глава 15	166
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Пролог

Грязь здесь была особенная — жирная, холодная и словно живая. Она хватала меня за лодыжки, чавкала, пытаясь утянуть вниз, в прелую листву, чтобы я осталась здесь навсегда. Но я не имела права падать. Только не с этой ношей на руках.

Ледяной дождь сек лицо, заливал глаза, смешиваясь с потом. Легкие горели так, будто я надышалась битым стеклом, а не сырым лесным воздухом. Каждое дерево в этом проклятом лесу выглядело как скрюченный старик, грозящий корявым пальцем: «Поверни назад, дура. Там, впереди, смерти больше, чем позади».

Ошибаетесь. Смерть шла именно по моим следам.

Я крепче прижала к груди сверток, укрытый краем моего насквозь промокшего плаща. Тим завозился, тихонько всхлипнул во сне. Три года — это слишком тяжелый вес для бега по пересеченной местности, но сейчас я не чувствовала тяжести. Адреналин — великая вещь, он выжигает усталость, оставляя только голый, звенящий инстинкт.

— Мама... — сонный, хриплый шепот пробился сквозь шум ливня. — Мокро...

Сердце пропустило удар. Только не сейчас. Только не просыпайся. Если он заплачет, если издаст хоть один громкий звук — нас найдут быстрее, чем я успею дочитать молитву.

— Тш-ш-ш, мой хороший, — выдохнула я, почти не раз-

жимая губ. — Мы играем. Помнишь? Мы — тихие мышки. Мышки не пищат, когда прячутся от совы.

Я на ходу поправила капюшон, пытаюсь хоть немного прикрыть его лицо от косых струй воды. Моей магии почти не осталось. Резерв, и без того скудный, был вычерпан до дна еще три часа назад, когда я отводила глаза патрулю на тракте. Но материнская магия берется не из ядра, она берется из самой жизни.

Я собрала крохи тепла — всё, что теплилось в кончиках онемевших пальцев, — и направила их в одеяло сына. Простенькое бытовое заклинание «Грелка». На него ушли последние силы. Меня затрясло от холода, зубы выбили дробь, зато Тим перестал дрожать и снова обмяк, согревшись.

Вспышка.

Не молния. Это было другое — фиолетовое, тошнотворное свечение, разрезавшее темноту где-то позади, за стеной деревьев.

Ищейки.

Магические гончие Лорда Вагнера не знают усталости. Им не нужно спать, им не нужно есть. Им нужен только след ауры. И мой бывший жених спустил на нас свору лучших тварей, каких только можно купить за золото Империи.

— Два часа... — прошептала я, перепрыгивая через поваленный ствол. — У меня было два часа форы. Теперь, дай боги, осталось минут двадцать.

Лес кончился внезапно, словно кто-то провел невидимую

черту, за которой жизнь обрывалась. Трава исчезла, сменившись голой, выжженной землей. Деревья отступили, боясь приближаться к тому, что возвышалось на холме.

Замок «Черная Скала».

Вспышка настоящей молнии разорвала небо, и я увидела его. Это был не дом. Это был кошмар архитектора, воплощенный в камне. Огромный, уродливый массив черного гранита, шпили которого вонзались в тучи, словно копья. Ни одного огонька в окнах. Ни дыма из труб. Только мертвая, давящая тишина и ощущение, что сама пустота смотрит на тебя тысячей невидимых глаз.

В народе говорили, что здесь живет Чудовище. Генерал Валериан Блэквуд. Герой войны, спаситель Империи и проклятый безумец, чья магия стала настолько нестабильной, что сжигает всё живое вокруг. Говорили, что слуги бегут отсюда, теряя рассудок. Что птицы падают замертво, пролетая над этими башнями.

Именно поэтому я бежала сюда.

Только здесь, в эпицентре дикой, неконтролируемой драконьей магии, поисковые артефакты Вагнера сойдут с ума. Фон этого места настолько мощный, что перекроет наши ауры, как шум водопада перекрывает шепот.

Это был прыжок из огня да в полымя. Но в огне Вагнера нас ждала гарантированная гибель — Тима заберут в лаборатории как ценный образец, а меня ликвидируют как отработанный материал. А здесь... Здесь был шанс. Крошечный,

призрачный, но шанс.

Я поскользнулась на мокром камне, упала на одно колено, больно ударившись чашечкой. Сдержала стон, прикусив губу до крови. Встала. Хромая, пошла к воротам.

Каждый шаг давался с боем. Воздух здесь был плотным, наэлектризованным. Он пах озоном и пеплом, а не дождем. Ворота возвышались надо мной, как вход в преисподнюю. Черное железо, покрытое странной вязью, которая, казалось, шевелилась в полумраке.

Руки тряслись так сильно, что я едва нащупала кольцо молотка. Оно было выполнено в форме оскаленной пасти дракона. Металл обжег холодом.

— Пожалуйста, — прошептала я, обращаясь не к богам — они давно от меня отвернулись, — а к самому хозяину этого проклятого места. — Пожалуйста, будь дома. И будь человеком, а не зверем, хотя бы на минуту.

Я ударила.

Глухой, тяжелый звук, похожий на удар гонга, разнесся по округе. Казалось, сама земля вздрогнула.

Тишина.

Ни звука шагов, ни скрипа засова. Только дождь барабанил по моим плечам, да ветер завывал в бойницах.

Секунды тянулись, превращаясь в вечность. Позади, со стороны леса, донесся протяжный, вибрирующий вой. Близко. Слишком близко. Они почуяли, что добыча остановилась.

Паника ледяной волной поднялась от желудка к горлу. Неужели никого нет? Неужели замок пуст?

— Откройте! — крикнула я, забыв об осторожности. — Мне нужна работа! Я знаю, что вам нужны слуги! Я умею всё!

Снова тишина.

Я прижалась лбом к мокрому железу, чувствуя, как слезы смешиваются с дождем. Это конец. Мы просто замерзнем здесь, под воротами, пока нас не найдут гончие. Тим снова заворочался, начиная просыпаться по-настоящему.

И тут, когда я уже готова была сползти по створке вниз, лязгнул металл.

Звук был резким, скрежещущим, будто кто-то проворачивал заржавевший ключ в замке, который не открывали сто лет. В массивных воротах открылось небольшое смотровое окошко.

Я ожидала увидеть свет факела, но из темноты на меня пахнуло жаром. Сухим, обжигающим жаром, какой бывает, когда открываешь духовку. И тьмой.

— Ты сдурела, девка? — голос был старческим, скрипучим, лишенным всякого сочувствия. — Сюда даже черти не суются по ночам. Вали отсюда, пока цела.

Это был мой единственный шанс. Я выпрямилась, стараясь выглядеть выше и увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. Грязь на лице должна скрыть мои тонкие черты, выдать за простолюдинку.

— Я слышала, Генералу нужна служанка, — выпалила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Говорят, никто не задерживается. А я задержусь.

— Все так говорят, — фыркнул старик из темноты. — А потом бегут, роняя портки, после первой же ночи. Хозяин не в духе. Сегодня он особенно... лютует. Уходи. Лучше сдохнуть в лесу, чем войти сейчас внутрь.

Вой гончих стал громче. Я видела краем глаза, как фиолетовые огни замелькали на опушке леса. Они нашли след. Они уже видели меня.

— Мне некуда идти! — я шагнула ближе, почти касаясь носом решетки. — Я бытовой маг класса «С». Я уберу плесень, я выведу пятна, я приготовлю еду, от которой не будет нести гарью! Я буду работать за еду и крышу над головой! Бесплатно!

За решеткой повисло молчание. Старик, кем бы он ни был, задумался. Бесплатный маг-бытовик в такую дыру — это подарок судьбы. Даже если этот маг похож на мокрую курицу.

— Бытовик, говоришь? — проскрипел он уже с сомнением. — А магия-то осталась, или всё на сопли истратила?

Я щелкнула пальцами. Слабая, едва заметная искра «Чистоты» пробежала по косяку ворот, убирая пятно ржавчины размером с монету. Это было жалко, но это было доказательство.

— Сойдет, — буркнул голос. — Но учти, если Хозяин те-

бя пришибет — я тебя хоронить не буду. Земля тут мерзлая, копать тяжело.

Послышался грохот засовов. Огромная створка дрогнула и начала медленно, мучительно медленно отворяться внутрь.

Я едва не задохнулась от облегчения. Щель была узкой, ровно чтобы протиснуться боком. Изнутри пахло не только жаром, но и чем-то древним, опасным — запахом драконьей чешуи и серы.

Я шагнула через порог.

Привратник оказался невысоким, сгорбленным стариком с бельмом на левом глазу. Он держал в руке не факел, а какой-то мутный кристалл, дающий тусклый свет.

Его единственный зрячий глаз скользнул по мне, по моему грязному плащу и остановился на оттопыренном свертке у меня на груди.

— Стоять, — он преградил мне путь клюкой. — Это еще что? Ты сказала, одна пришла.

Внутри у меня все обледело. Тим, как назло, громко зевнул и высунул из-под плаща маленькую ручку в варежке.

— Это... — мысли метались, как пойманные птицы. Сказать правду? Выгонит. Соврешь — узнает через минуту. — Это мой сын. Он тихий. Вы его даже не заметите. Он будет сидеть в комнате, как мышка. Клянусь.

Старик прищурился. Его лицо перекосило от страха.

— Ребенок? — прошипел он, оглядываясь в глубь темно-

го двора, где высилась громада донжона. — Ты совсем без мозгов? Генерал ненавидит детей. Он не просто их не любит, он их на дух не переносит! Шум, возня... Его зверь от этого бесится! Если он узнает, что здесь щенка притащили...

Снаружи раздался лай. Громкий, яростный. Собаки были уже у ворот. Я слышала, как когти скребут по камню моста. Кто-то закричал командным голосом: «Она здесь! Ломайте ворота, если придется!»

Я схватила старика за рукав его засаленного камзола. В этот момент во мне не было страха перед драконом. Был только ужас матери, у которой отнимают дитя.

— Пожалуйста, — прохрипела я. — Если вы нас выгоните, его убьют. Прямо сейчас. Вы же человек? У вас сердце есть? Я спрячу его. Генерал никогда не узнает. Я буду работать за троих. Я вылижу этот замок языком, если надо. Только не открывайте ворота обратно.

Старик посмотрел на меня, потом на ворота, в которые уже начали бить снаружи магическими таранами. Потом перевел взгляд на Тима. Малыш открыл глаза — большие, медовые — и посмотрел на страшного деда с бельмом.

— Деда, холодно, — тихо сказал Тим.

Старик выругался. Грязно, витиевато, поминая всех демонов бездны.

— Чтоб вас... — он плюнул под ноги, потом навалился всем весом на створку, захлопывая её перед самым носом преследователей. — Заходи, дура. Быстро!

Засов с грохотом встал на место, отсекая нас от внешнего мира. Удары снаружи стали глуше. Защитный контур замка, почувствовав атаку, загудел, и я ощутила, как по стенам пробежала дрожь — магия Блэквуда проснулась, чтобы защитить свою территорию. Теперь ищейкам Вагнера сюда хода нет. С «Черной Скалой» не спорят даже королевские дознаватели.

Я прислонилась спиной к холодным камням стены и сползла вниз, на брусчатку внутреннего двора. Ноги отказались держать.

Мы внутри. Мы живы.

Старик навис надо мной, светя кристаллом прямо в лицо. — Не радуйся, — прокаркал он. — Ты думаешь, ты спаслась? Ты сама залезла в пасть к дракону. И молись всем богам, девка, чтобы он тебя не прожевал и не выплюнул до рассвета.

Я посмотрела в глубь двора. Замок нависал над нами черной громадой. В одном из верхних окон вдруг полыхнул свет — тревожный, багровый. И оттуда донесся рык, от которого, казалось, задрожали сами звезды. Не человеческий крик. Рев зверя, запертого в клетке собственного безумия.

Я крепче прижала к себе сына.

— Ничего, — шепнула я, глядя на багровое окно. — С одним чудовищем я как-нибудь договорюсь. Главное, что другое осталось за воротами.

— Идем, — буркнул старик, отворачиваясь. — Покажу

конуру. И если твой приплод пикнет — вылетите оба быстрее, чем я чихну.

Глава 1

Скрежет засова прозвучал так, словно захлопнулась крышка гроба. Тяжелая, финальная точка.

Я стояла, привалившись спиной к холодному металлу ворот, и жадно глотала воздух. Здесь, внутри периметра, он был другим. Снаружи пахло мокрой землей и хвоей, а здесь — озоном, паленой шерстью и вековой пылью. Этот воздух оседал на языке горьким привкусом пепла.

Мы были внутри. Гончие Вагнера остались там, за стеной, скрести когтями камень и выть от бессильной злобы.

— Чего застыла? — голос старика вывел меня из оцепенения. — Думаешь, если зашла, так уже королева? Шевелись. Если Хозяин увидит нас во дворе в такой час, он сначала испепелит, а потом спросит имя.

Я отлипла от ворот. Ноги гудели, колени дрожали мелкой, противной дрожью — откат после магического истощения и адреналинового пика. Я поудобнее перехватила Тима. Сын был тяжелым, мокрая одежда добавляла веса, но выпустить его из рук казалось равносильным смерти.

Старик, назвавшийся Оливером, поднял свой мутный кристалл повыше. Свет выхватил из темноты кусок внутреннего двора: потрескавшуюся брусчатку, сквозь которую пробивались не травинки, а какие-то черные, шишковатые стебли; пустой фонтан с отбитой головой каменной нимфы и гро-

маду самого замка.

«Черная Скала» не просто стояла на земле. Она, казалось, врастала в неё, пускала корни. Окна-бойницы смотрели на меня с неммым укором, как глазницы черепа. И тишина. Здесь не было слышно ни сверчков, ни шума ветра. Абсолютная, ватная тишина, в которой стук моего сердца казался ударами молота.

— Иди след в след, — буркнул Оливер, хромая к боковому входу. — И не смотри на второй этаж.

— Почему? — вырвалось у меня.

— Потому что горгульи не любят, когда им смотрят в глаза.

Я невольно подняла голову. На карнизе, прямо над резным парадным входом, сидели каменные твари. Вспышка далекой молнии на миг осветила их морды. И я могла бы поклясться своей магией — одна из них моргнула. Каменное веко с сухим шорохом опустилось и поднялось, а желтый, вполне живой зрачок сфокусировался на мне.

Я поспешно опустила взгляд и прижала Тима крепче, почти до боли.

— Мама, — сонно пробормотал сын мне в ключицу. — Дядя злой?

— Нет, маленький, — шепнула я, стараясь не сбивать дыхание. — Дядя просто устал. Спи.

Оливер толкнул узкую дверь, обитую полосами ржавого железа. Мы шагнули в служебный коридор.

Если снаружи замок казался просто мрачным, то внутри он ощущался болезненным. Стены здесь не просто стояли — они вибрировали. Едва заметно, на грани восприятия, как гудит высоковольтный провод. Это была магия Генерала. Дикая, необузданная сила, которая пропитала каждый камень, каждую доску пола. Она давила на плечи, заставляя пригибаться.

Оливер шел уверенно, хотя и сильно припадал на левую ногу.

— Слушай меня внимательно, девка, — заговорил он, не оборачиваясь. Эхо его голоса металось под сводчатым потолком. — Я пустил тебя не по доброте душевной. Доброта в этом доме сдохла лет пять назад вместе с последней кошкой.

Он остановился так резко, что я чуть не врезалась в его сутулую спину. Оливер развернулся, и свет кристалла ударил мне в глаза, заставляя щуриться.

— Завтра в полдень сюда приедет инспектор из Казначейства, — его лицо, изрезанное глубокими морщинами, выглядело как печеное яблоко. — Император хочет знать, не сошел ли Блэквуд с ума окончательно. Если они увидят этот свинарник... — он обвел рукой коридор. — Они опечатают замок. Генерала — в магическую тюрьму, меня — на улицу подыхать под забором. А тебя с твоим приплодом сдадут страже как бродяг.

Я огляделась. При свете кристалла коридор выглядел ужасно. Это была не просто грязь. Стены покрывала жирная, черная копоть, похожая на плесень. Паутина в углах была

толщиной с палец, и она слегка светилась в темноте фиолетовым.

Обычная тряпка тут не поможет. Это магический налет — «Эхо Бездны», как называют его в учебниках. Продукт распада драконьей ауры, когда носитель находится в состоянии перманентной ярости или боли.

— Я поняла, — кивнула я, стараясь говорить твердо. — Вам нужно чудо.

— Мне нужно, чтобы к полудню Парадный Холл, столовая и кабинет Генерала блестели так, чтобы у инспектора глаза вытекли, — прошипел Оливер. — У меня осталось два лакея и кухарка, которая пьет больше, чем лошадь. Они боятся лишний раз выйти из комнат. Замок их жрет.

Он шагнул ко мне, и его единственный здоровый глаз сузился, превратившись в щелку. Костлявый палец уткнулся в сверток с Тимом.

— Но есть условие. Главное. Нарушишь — убью сам.

Я напряглась, готовая ударить остатками магии, если он потянется к ребенку.

— Генерал не выносит детей, — отдельно произнес старик. — Для него они — источник шума, хаоса и головной боли. У него и так мигрени такие, что он гнет стальные кубки пальцами. Если он услышит детский плач, смех или топот... Его Зверь выйдет наружу. И тогда от твоего щенка даже мокрого места не останется.

Холод пробежал по спине, пробирая глубже, чем дождь.

— Он не услышит, — пообещала я. Голос предательски дрогнул, но я заставила себя смотреть старику в глаза. — Мой сын умеет играть в тишину. Мы жили... в сложных местах.

— Сложных местах, — передразнил Оливер с кривой улыбкой. — Ты не видела сложного, девочка. Ты в замке Дракона, который потерял свою истинную пару еще до встречи, а теперь медленно сходит с ума от переизбытка силы. Это не дом. Это пороховая бочка с горящим фитилем.

Он сплюнул на пол. Слюна с шипением испарилась, коснувшись черного налета на камнях.

— Идем. Дам тебе угол. Но запомни: увижу ребенка вне твоей комнаты — вышвырну.

Мы двинулись дальше. Коридоры петляли, как кишки огромного зверя. Сквозняки здесь были странными — они дули не от окон, а словно прямо из стен, толкая в спину, пытаясь сбить с ног. Свечи в настенных канделябрах, мимо которых мы проходили, вспыхивали зеленым пламенем и тут же гасли, оставляя нас в темноте. Замок сопротивлялся. Он не хотел меня здесь.

— Ему не нравится твоя магия, — бросил через плечо Оливер. — Слишком... светлая. Сладкая. Его тошнит от "бытовиков".

— Привыкнет, — прошептала я.

Тим завозился у меня на руках. Он начинал дрожать. Мое заклинание «Грелка» выдыхалось. Тепло уходило, сменяясь

сырой прохладой каменного мешка.

Мы свернули в совсем уж узкий проход, где потолок давил на макушку, а запах плесени стал густым, почти осязаемым. Это было крыло для черной прислуги — тех, кого господа предпочитают не видеть.

— Пришли, — буркнул Оливер, останавливаясь у обшарпанной деревянной двери в самом конце тупика.

Он толкнул створку. Та жалобно взвизгнула ржавыми петлями, словно ей сделали больно.

— Твои хоромы, — старик шагнул внутрь и поднял кристалл, освещая убожество, которое мне предстояло называть домом.

Я задохнулась. Но не от возмущения, а от поднявшейся в воздух пыли.

Это была не комната. Это был чулан. Три шага в длину, два в ширину. Узкое окно-бойница без стекла, в которое свистел ледяной ветер, швыряя на пол капли дождя. В углу валялась куча гнилой соломы, прикрытая тряпьем, которое когда-то было мешковиной. Деревянный табурет на трех ножках и перевернутое ведро. Всё.

По углам шуршало. Я не хотела знать, кто это — крысы или магические паразиты, заводящиеся в грязи.

— Вода в колодце во дворе, ведро найдешь на кухне, — Оливер пошарил в глубоком кармане своего балахона и выудил оттуда черствую горбушку хлеба. Кинул её прямо на табурет. — Ужин. Не обессудь, повар спит, а кладовую я от-

крывать не буду.

Я посмотрела на хлеб, потом на дыру в стене, заменяющую окно.

— Здесь же минус, — тихо сказала я. — Мы замерзнем к утру.

Оливер уже стоял в дверях, собираясь уходить. Он обернулся, и в свете кристалла его бельмо сверкнуло мертвецким блеском.

— Скажи спасибо, что здесь есть крыша, — отрезал он. — Предыдущая горничная спала в конюшне, пока дракон не сжег сеновал в приступе кошмара. Дверь запирается изнутри на засов. Сиди тихо. Услышу звук — вышвырну. Утром жду в холле с ведром и тряпкой. Не проспй рассвет.

Дверь захлопнулась. Темнота навалилась мгновенно, плотная и вязкая. Только полоска серого света из бойницы едва-едва очерчивала контуры убогого жилища.

Я осталась одна.

Адреналин, который гнал меня через лес, который заставлял дерзить старику и держать спину прямо, вдруг исчез. Ноги подкосились. Я сползла по шершавой стене вниз, на грязный пол, все еще прижимая к себе сына.

Тим дрожал. Теперь уже крупной дробью. Его маленькие ручки были ледяными.

— Мама, — его голос был тонким, как писк мышонка. — Холодно. И темно. Я боюсь.

Я закусила губу до боли, чтобы не разрыдаться. Нельзя.

Если я сейчас раскисну, мы пропали. Я — мама. Я — стена, я — щит, я — единственное, что стоит между ним и этим жестоким миром.

— Не бойся, — я заставила себя улыбнуться, хотя в темноте он этого не видел. — Сейчас мы наведем тут красоту. Помнишь, как мы играли в волшебников?

Я аккуратно спустила его с рук, поставив на более-менее чистый пяточок пола. Ноги гудели, голова кружилась от голода и усталости. Мой магический резерв был пуст. Я выскребла его до дна там, в лесу.

Но бытовая магия — это не боевые чары. Она не требует мощи вулкана. Она требует любви. И желания сделать мир чуточку лучше.

Я закрыла глаза, представляя себе не этот грязный чулан, а теплую, светлую комнату. Я представила запах свежестиранного белья, мягкость пуховой перины, тепло нагретого солнцем камня.

— Уют, — шепнула я первое слово-ключ.

Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, потянуло холодом — организм отдавал последние крохи жизненной силы, трансформируя их в магию.

Я щелкнула пальцами.

В темноте вспыхнула крошечная золотистая искра. Она сорвалась с моего ногтя и полетела по комнате, как светлячок.

Тим ахнул, следя за ней глазами.

Искра коснулась кучи гнилой соломы. Гниль исчезла, рассыпалась серым пеплом, который тут же впитался в пол. Солома посветлела, распушилась, превращаясь в мягкий, пахнущий летом матрас. Грязная мешковина дернулась, нити переплелись заново, очищаясь от вековой грязи, и стала грубым, но чистым и теплым шерстяным одеялом.

Я повела рукой в сторону окна.

— Заслон.

Воздух в проеме бойницы сгустился, задрожал и застыл невидимой пленкой. Свист ветра прекратился мгновенно. Шум дождя стал глухим, далеким. В комнате сразу стало тише и спокойнее.

Оставалась пыль. Вековая, въедливая пыль замка «Черная Скала».

Я сделала круговое движение кистью, словно собирала невидимую паутину.

— Чистота.

Пыль со стен, с пола, с потолка взвилась в воздух, скрутилась в плотный серый шарик размером с кулак и с тихим хлопком исчезла в никуда.

В комнате не стало светлее, но воздух изменился. Исчез запах мышей и плесени. Теперь пахло просто старым камнем и... немного лавандой. Мой фирменный почерк, который я не могла контролировать.

Тим стоял, открыв рот. Даже в полумраке я видела, как блестят его глаза.

— Мама, ты фея! — прошептал он с благоговением.

— Я не фея, Тимоша, — я устало опустилась на табурет, чувствуя, как комната слегка плывет перед глазами. Откат ударил по вискам тупой болью. Руки дрожали уже не от холода, а от слабости. — Я просто мама. А мамы умеют всё.

Тим подошел и положил свои ладошки мне на колени. Серьезный, не по годам взрослый взгляд. Дети беглецов взрослеют быстро. Слишком быстро.

— У тебя ручки трясутся, — заметил он.

— Это потому что я голодная, как волк, — я подмигнула ему, стараясь превратить все в шутку. — Давай посмотрим, чем нас угостил сердитый дедушка.

Я взяла горбушку хлеба. Она была твердой, как подошва сапога. Оливер не врал — это был хлеб для слуг, и пекли его, видимо, еще на прошлой неделе. Но запах... Для нас, не евших с самого утра, этот запах перебивал даже аромат моей магии.

Я разломил кусок пополам. Большую часть протянула Тиму.

— Это тебе. Самая вкусная, с корочкой.

— А тебе? — он нахмурился, не беря хлеб.

— А я люблю мякиш, ты же знаешь, — соврала я, отщипывая крошечный кусочек от своей доли. — Ешь. Нам нужны силы. Завтра у нас много дел. Мы будем играть в «большую уборку».

Тим вгрызся в хлеб с жадностью, от которой у меня за-

щемило сердце. Он жевал быстро, роняя крошки, и я машинально подставляла ладонь, чтобы ни одна не пропала. В нашем положении каждая крошка была на вес золота.

Я жевала свой кусок медленно, стараясь обмануть желудок. Вкус был кислым, грубым, но тепло медленно разливалось по телу. Мы в безопасности. За стеной бушует буря, в лесу рыщут ищейки Вагнера, а здесь, в этом грязном замке, за толстыми стенами, нас никто не достанет.

Пока что.

— Мам, — Тим доел хлеб и теперь слизывал крошки с пальцев. — А этот замок... он злой?

Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на стены. Даже сквозь мою иллюзию уюта и чистоты проступала мрачная тяжесть камня. Я чувствовала, как магия Блэквуда давит на мой тонкий защитный купол, проверяет его на прочность. Она не была злой в привычном смысле. Она была... мучительной.

— Нет, малыш, — тихо сказала я. — Он не злой. Он просто больной. Представь, что у тебя очень сильно болит животик, и ты от этого капризничаешь и никого не хочешь видеть. Вот и замок так же. У его хозяина что-то очень сильно болит.

— Головка бо-бо? — уточнил Тим, забираясь на обновленный матрас. Он сразу свернулся калачиком, подтягивая к себе переделанное одеяло.

— Вроде того. Душа бо-бо, — прошептала я, но Тим уже

не слышал.

Он засопел почти мгновенно. Детский организм, получив тепло и немного еды, выключился, требуя отдыха. Я смотрела на его расслабленное лицо, на длинные ресницы, отбрасывающие тени на щеки. Он был так похож на отца... Те же черты, тот же упрямый подбородок.

Я отогнала эту мысль. Нет. У Тима нет отца. Есть только донор биоматериала, который хотел создать идеальное оружие, а не сына. И я сделаю все, чтобы Вагнер никогда не прикоснулся к этому ребенку.

Я встала, поморщившись от боли в колене, и подошла к двери. Проверила засов. Железо было надежным. Затем подошла к окну. Сквозь мой магический барьер было видно только серую муть дождя и очертания крепостной стены.

Где-то там, в глубине этого каменного лабиринта, жил Генерал. Чудовище, которым пугали детей. Дракон, потерявший контроль.

Оливер сказал, что замок выживает чужаков. Что магия Блэквуда отвергает светлых.

Я приложила ладонь к холодной стене. Камень под пальцами мелко вибрировал.

— Мы не чужаки, — прошептала я в темноту. — Мы те, кто вылечит твои раны, слышишь? Просто позволь нам остаться.

Замок не ответил. Но мне показалось, что сквозняк за дверью затих, перестав выть в щелях.

Я легла рядом с сыном, обняла его, согревая своим теплом. Усталость навалилась тяжелой плитой. Завтра будет адский день. Завтра мне предстоит отмыть вековую грязь, обмануть королевского инспектора и не попасться на глаза взбешенному дракону.

Но это будет завтра.

А сегодня мы живы.

Я закрыла глаза, и под мерный стук дождя провалилась в сон без сновидений, пахнувший лавандой и надеждой.

Глава 2

Рассвет вполз в нашу каморку серой, промозглой мутью. Магический барьер, который я поставила ночью, истончился и опал, впуская внутрь сырость и сквозняк.

Я открыла глаза от того, что зубы начали выбивать дробь. Тим спал, свернувшись в тугой комок под моим боком, и я чувствовала, как дрожит его маленькое тельце. Теплая иллюзия ночи рассеялась. Мы снова были в каменном мешке, где пахло мышами и безнадёгой.

Нужно вставать.

Я осторожно выпуталась из-под одеяла, стараясь не разбудить сына, и спустила ноги на ледяной пол. Каждая косточка ныла. Магическое истощение — паршивая вещь, оно выпивает силы похлеще любой болезнью. Голова кружилась, во рту пересохло.

В углу стоял кувшин с водой, который я набрала вчера ночью во дворе. Вода затянулась тонкой корочкой льда. Я разбила её пальцем, умылась, заставляя себя проснуться. Ледяной ожог на коже подействовал лучше кофе.

— Мама? — Тим сел на матрасе, протирая кулачками заspanные глаза. — А мы еще играем в прятки?

Я присела перед ним на корточки, застегивая пуговицы на его курточке. Снимать верхнюю одежду здесь было нельзя — замерзнем насмерть.

— Да, родной. И сегодня самый сложный уровень, — я старалась говорить бодро, хотя внутри все сжималось от страха. Оставлять его одного в этом проклятом месте казалось безумием. Но выбора не было. — Слушай меня внимательно. За дверь выходить нельзя. Совсем. Даже если очень скучно. Даже если услышишь что-то интересное.

— А если дядя дракон придет? — Тим посмотрел на дверь с опаской.

— Дядя дракон сюда не влезет, он слишком большой, — соврала я, поправляя ему воротник. — А если кто-то другой постучит — ты превращаешься в невидимку. Молчишь, не дышишь и сидишь под одеялом. Договорились?

Я достала из мешка книгу с картинками — единственное сокровище, которое мы унесли из прошлой жизни, кроме одежды. И последний сухарь.

— Это твой завтрак. Я принесу нормальной еды, как только смогу.

Тим кивнул, прижимая к себе книгу. В его глазах было столько взрослого понимания, что мне захотелось взвыть. Дети не должны так смотреть. Они должны капризничать, требовать кашу, а не соглашаться сидеть тихо в тюрьме, чтобы маму не выгнали.

Я поцеловала его в макушку, пахнущую сном и молоком, и вышла.

Засов лязгнул, отрезая его от мира. Я прижалась лбом к холодному дереву двери.

«Продержись пару часов, малыш. Просто продержись».

Кухня нашлась по запаху. Пахло пригоревшей кашей, кислым пивом и той специфической вонью, которая бывает в помещениях, где годами не открывали окна.

Это был огромный зал с закопченными сводами, где могли бы жарить быков целиком. Сейчас же здесь царило запустение. Очаг едва тлел, горы грязной посуды громоздились на столах, как баррикады.

У котла стояла женщина. Необъятная, в грязном переднике, она монотонно мешала поварешкой какое-то серое вариво. Рядом с ней, прямо на разделочном столе, стояла початая бутыл мутного стекла.

— Доброе утро, — громко сказала я, входя внутрь.

Женщина вздрогнула, чуть не уронив поварешку в котел. Обернулась. Лицо у неё было красным, одутловатым, глаза мутные, как та жижа, что она варила.

— Тыфу ты, пропасть! — выдохнула она, хватаясь за сердце. — Ты кто такая? Призрак? Или смерть за мной пришла?

— Я новая горничная. Эмилия. Мне нужно ведро, тряпки и горячая вода.

Кухарка — кажется, Оливер называл её Мартой — уставилась на меня, потом расхохоталась. Смех у неё был лающий, неприятный.

— Горничная! Слышали? — она обратилась к пустоте. —

Очередная смертница. Деточка, беги отсюда. Вчера вечером тут крыса сдохла прямо посреди стола. Сердце разорвалось от страха. Ты следующая будешь.

— Ведро и вода, — повторила я жестче. У меня не было времени на светские беседы с алкоголиками. Часы в моей голове тикали, отсчитывая время до инспекции.

Марта махнула рукой в сторону темного угла.

— Там бери. Только толку-то? Грязь здесь, — она постучала себя по лбу пальцем-сарделькой, — она живая. Хозяин злится — грязь растет. Хозяин грустит — плесень цветет. Мы тут просто корм для замка.

Я нашла в углу деревянное ведро и швабру, обмотанную серой ветошью. Набрала воды из чана, стоящего у огня. Вода была едва теплой, но лучше, чем ледяная.

Проходя мимо стола, заваленного тарелками с засохшими остатками еды, я не удержалась. Меня передернуло от омерзения. Это было профессиональное. Как бытовой маг, я физически ощущала грязь как зуд на коже.

Я остановилась, поставила ведро.

— Грязь не может быть живой, если у хозяйки руки растут из плеч, а не из... другого места, — бросила я.

— Чего?! — Марта побагровела, хватаясь за бутылку как за дубину. — Да я тебя...

Я щелкнула пальцами. Короткий импульс магии «Чистоты» сорвался с кончиков ногтей.

Ближайшая стопка тарелок дрогнула. Засохший жир и

объедки серым облаком отделились от фаянса, свернулись в плотный комок и с тихим шлепком упали в мусорную корзину. Тарелки засияли первозданной белизной, скрипнув от чистоты.

В кухне повисла тишина. Только булькало варево в котле.

Марта перекрестилась бутылкой, отшатнувшись назад так, что чуть не села в очаг.

— Ведьма... — прошептала она, бледнея. — Святые угодники, ведьма в доме...

— Бытовой маг, — поправила я холодно, подхватывая ведро. — И если вы не хотите, чтобы я навела порядок в вашей голове так же, как на этом столе, советую к обеду сварить нормальный суп. Моему... мне нужно поесть.

Я вышла из кухни, оставив кухарку хватать ртом воздух. Спину жгло от её взгляда, полного суеверного ужаса, но мне было плевать. Страх — хорошая мотивация. Может, хоть протрезвеет.

Парадный Холл встретил меня могильным холодом и Оливером, который нервно расхаживал по черно-белым плитам пола, то и дело доставая из кармана массивные часы на цепочке.

— Опаздываешь! — каркнул он вместо приветствия. — До инспекции три часа. А тут...

Он обвел рукой пространство. И я поняла, что погорячилась, думая, что справлюсь быстро.

Холл был огромен. Своды терялись в полумраке, витражные окна высотой в три человеческих роста были затянуты такой плотной паутиной, что казались заколоченными досками. Но хуже всего были стены и пол. Их покрывал слой черной, маслянистой копоты. Она не просто лежала сверху — она словно проступала из камня, как пот.

Я подошла к стене и провела пальцем. След тут же затянулся, как рана на теле тролля. Черная слизь пульсировала под подушечками пальцев.

— Это «Эхо Бездны», — тихо сказала я. — Магический шлак. Генерал выпускает слишком много силы, и она оседает на предметах.

— Я знаю, что это, умница, — огрызнулся Оливер. — Я не знаю, как это убрать до приезда лорда-казначея. Если он увидит это дерьмо, он напишет в отчете, что Блэквуд недееспособен. А это конец. Для всех нас.

Он посмотрел на меня своим единственным глазом с отчаянной надеждой.

— Действуй.

Я закатала рукава платья. Опустила тряпку в ведро, отжала. Попробуем по-старинке, для начала.

Я с силой провела мокрой тряпкой по полу. Вода мгновенно стала чернильно-черной, тряпка осклизла, став похожей на дохлую медузу. Пол остался таким же грязным. Слизь словно смеялась надо мной, пузырясь на месте, где я только что терла.

Оливер застонал.

— Бесполезно. Я же говорил.

Я выпрямилась, отшвырнув испорченную тряпку. Гнев начал закипать внутри. Гнев на Вагнера, из-за которого я здесь. Гнев на Блэквуда, который распустил свою магию, как невоспитанный ребенок. Гнев на этот проклятый замок, который хотел нас сожрать.

— Хорошо, — процедила я сквозь зубы. — Хочешь магии? Будет тебе магия.

Я закрыла глаза, погружаясь в себя. Мой резерв за ночь восстановился едва ли на треть. Этого было мало для такого зала. Катастрофически мало. Если я вычерпаю себя до дна, я могу упасть в обморок.

Но я вспомнила Тима, сидящего на матрасе с сухарем. Вспомнила его глаза.

Я раскинула руки, ладонями к полу. Представила не просто чистоту. Я представила Порядок. Структуру. Правильность.

— Абсолютный Уют: Изгнание Хаоса, — прошептала я формулу, которую обычно используют для очистки целых особняков после пожаров.

Магия рванула из меня потоком, обжигая вены. Это было больно. словно из меня тянули жилы.

Золотистая волна сорвалась с моих рук и ударила в пол. Замок взвыл.

Это был не звук, это была вибрация. Стены задрожали.

Черная слизь зашипела, как масло на сковороде. Она начала сворачиваться, отступать от источника света, пытаясь уползти в щели, спрятаться в тени. Но мой свет догонял её.

Я видела, как черная пелена сползает с витражей, открывая цветное стекло — рубиновое, сапфировое, изумрудное. Первый луч настоящего солнца пробился сквозь очищенное стекло и упал на пол ярким пятном.

Где свет касался камня, чернота испарялась с визгом.

— Еще! — крикнула я сама себе, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Я гнала волну дальше, к потолку, к дальним углам. Паутина вспыхивала и осыпалась серебряной пылью. Копоть превращалась в серый дым и утягивалась в вытяжки каминов.

Секунда, две, десять...

Я опустила руки и тяжело осела на пол, хватая ртом воздух. Перед глазами плясали цветные круги. Сердце колотилось где-то в горле.

В Холле стало тихо. Но это была другая тишина. Не давящая, могильная, а звонкая, чистая. Воздух стал прозрачным. Сквозняки больше не толкались, они ласково перебирали подол моего платья. Замок, словно умытый ледяной водой, выдохнул.

— Святые небеса... — прошептал Оливер.

Я подняла голову. Старик стоял посреди зала, и его рот был приоткрыт. Холл сиял. Черно-белые плиты блестели так, что в них можно было смотреться как в зеркало. Витра-

жи горели огнем, заливая пространство радужными бликами.

— Ты... ты святая? — спросил он, глядя на меня с суевренным ужасом, смешанным с восторгом.

— Я просто хочу свою зарплату, — прохрипела я, поднимаясь и опираясь о стену, чтобы не упасть. Голова кружилась, как на карусели. — И еду для... для себя.

Оливер подскочил ко мне, желая поддержать, но не решаясь коснуться.

— Будет! Все будет! Кухарка тебе лично лучший кусок мяса принесет! — он суетливо огляделся, проверяя углы. — Идеально. Просто идеально. Инспектор подавится своим мотоклем.

Он посмотрел на свои часы и вдруг помрачнел. Радость сползла с его лица, сменившись старой тревогой.

— Это спасение. Но... есть еще одно дело.

Я застонала.

— Оливер, я пуста. У меня резерв на нуле. Я даже пылинку сейчас не подниму.

— Нет-нет, там не нужна магия! — он замахал руками. — Ну, почти. Просто... уборка. Поднос.

Он указал пальцем в дальний конец коридора, где начиналось Восточное крыло. Туда, где воздух даже отсюда казался плотнее и темнее.

— Кабинет Генерала, — сказал он, понизив голос. — Хозяин завтракал там. Ну, пытался. Потом у него случился...

приступ. Он разбил посуду. Пролил кофе. Инспектор обязательно туда заглянет, это протокол. Нужно забрать осколки и вытереть пятно.

— Пошлите лакея, — сказала я, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Лакей намочил штаны, когда подходил к этой двери в прошлый раз, — мрачно ответил Оливер. — Никто не пойдет. Они боятся. А ты... ты другая. Твоя магия его успокаивает. Я видел вчера. Замок принял тебя.

— Замок, может, и принял, — возразила я. — А вот Хозяин обещал меня испепелить.

— Он не тронет. Он сейчас спит или в отключке после приступа. Просто зайди тихо, как мышка, забери поднос и протри пол. Делов на минуту.

Я посмотрела на него. Старик дрожал. Он боялся Блэквуда до смерти. Все здесь боялись. И я боялась. Но еще больше я боялась снова оказаться на дороге с Тимом на руках.

— Ладно, — выдохнула я. — Где этот чертов кабинет?

Путь к кабинету Генерала был похож на спуск в жерло вулкана. С каждым шагом становилось жарче. Воздух здесь был сухим, наэлектризованным. Волоски на моих руках встали дыбом, юбка липла к ногам от статики.

Ковер в коридоре сменился с красного на черный. Портреты предков на стенах выглядели так, будто хотели выпрыгнуть из рам и убежать.

Я шла, сжимая в руках пустой медный поднос, который дал мне Оливер, и тряпку. Сердце билось где-то в горле.

«Тихо, Эми. Ты — тень. Ты — пустое место. Зашла, убрала, вышла. Он даже не заметит».

Вот и двери. Огромные, из темного дуба, украшенные резьбой в виде переплетенных драконов. Из-под щели внизу тянуло не сквозняком, а жаром.

Я остановилась, переводя дыхание. Прислушалась.

Тишина. Мертвая, плотная. Может, Оливер прав, и он спит?

Я потянулась к массивной бронзовой ручке.

В этот момент из-за дверей раздался звук, от которого у меня кровь застыла в жилах.

Это был не человеческий крик. Это был рык. Глубокий, вибрирующий, полный боли и ярости. Звук зверя, попавшего в капкан.

Следом что-то с грохотом врезалось в стену изнутри. Звон разбиваемого стекла, треск дерева.

— Убирайтесь! — проревел голос, в котором человеческие нотки мешались с рычанием. — Вон из моей головы!

Я отдернула руку, как от огня. Он не спит. Он в ярости. И у него галлюцинации или бред.

Разум кричал: «Беги!». Беги к Тиму, хватай его и уноси ноги из этого сумасшедшего дома.

Но ноги приросли к полу. Я вспомнила Тима, сидящего на матрасе. Вспомнила ищеек Вагнера. Вспомнила Оливера:

«Если инспектор увидит бардак — мы на улице».

Если я не уберу там — инспектор увидит. И нас выгонят.

Я глубоко вздохнула, зажмурилась на секунду, представляя лицо сына.

— Ну, с богами, — прошептала я одними губами.

И толкнула тяжелую створку двери.

Глава 3

Дверь поддавалась тяжело, словно я толкала могильную плиту, за которой бушевал пожар.

Меня сразу обдало волной сухого, трескучего жара. Это было не тепло камина. Так пахнет воздух перед грозой, когда молния вот-вот ударит в сухое дерево — озоном, электричеством и близкой опасностью.

Я шагнула внутрь, и дверь за моей спиной захлопнулась сама собой, отрекая меня от относительно безопасного коридора. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Кабинет Генерала Блэквуда был местом, где умер порядок.

Первое, что бросилось в глаза — это книги. Они не стояли на полках. Они парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, словно попали в зону невесомости. Тяжелое пресс-папье висело под потолком, угрожая в любой момент рухнуть вниз. Шторы на высоких окнах не горели, но тлели по краям, осыпаясь серым пеплом на паркет.

А в центре этого безумного вихря стоял он.

Генерал Валериан Блэквуд.

Он стоял ко мне спиной, уперевшись руками в массивный дубовый стол, который, казалось, был единственным предметом в комнате, подчиняющимся законам гравитации. Рубашки на нем не было.

Я замерла, судорожно вцепившись в холодный край медного подноса.

Его спина была картой войны. Широкая, с бугрящимися мышцами, она была исполосована шрамами. Старые, побелевшие рубцы пересекались со свежими, багровыми следами от магических когтей. Но страшнее всего были не шрамы.

По его коже, словно живые вены, бежали светящиеся фиолетовые трещины. Магия, переполнявшая резерв, искала выход, разрывая плоть своего носителя. Я слышала гул — низкий, вибрирующий звук, идущий от него. Так гудит земля перед землетрясением.

— Вон! — рык был тихим, но от него завибрировали стекла в окнах. Он не обернулся. — Я сказал — вон отсюда!

Его голос был пропитан болью.

У любого нормального человека сработал бы инстинкт самосохранения. Ноги сами должны были развернуться и вынести тело в коридор, подальше от этой магической аномалии в человеческом обличье.

Но у меня был Тим. И у меня был образ Оливера, выставляющего нас за ворота под дождь.

Я сглотнула вязкий комок страха и сделала шаг вперед.

— Мне нужно только забрать поднос, милорд, — прошептала я. Мой голос потонул в гуле его магии, как писк комара в грозу.

Генерал не шелохнулся. Он продолжал бороться с невидимым врагом внутри себя, его пальцы впились в край стола

так, что дерево жалобно скрипело, готовое превратиться в щепки.

Я опустила глаза. Вот она, моя цель. Прямо у его ног, на ковре. Разбитая фарфоровая чашка, лужа черного кофе, растекающаяся уродливым пятном, и серебряный кофейник, валяющийся на боку.

Я двигалась не как человек. Я двигалась как тень. Плавный шаг, мягкий перекаат стопы. Магия бытовиков учит быть незаметными. Мы — призраки чистоты. Нас не должны видеть, должны видеть только результат.

Я опустилась на колени в полуметре от Генерала.

Жар здесь был таким сильным, что у меня перехватило дыхание. Казалось, я сунула голову в раскаленную духовку. Волосы на затылке встали дыбом, притягиваясь к его ногам статическим электричеством. От него пахло горьким потом, металлом и чем-то диким, звериным.

Я протянула руку к осколкам. Пальцы дрожали.

«Быстрее. Просто собери это и беги».

Я схватила острый край блюда. Поспешила. Осколок скользнул в пальцах, и острая грань полоснула по подушечке указательного пальца.

Я прикусила губу, сдерживая шипение. Алая капля крови набухла на пальце и сорвалась вниз, прямо на пропитанный кофе ворс ковра.

И в этот момент случилось странное.

Я была пуста. Мой магический резерв был вычерпан убор-

кой Холла. Я не произносила ни слова, не строила ни одной мыслеформы. Но страх и близость чужой, хаотичной силы вытянули из меня то, что было моей сутью.

Моя аура, инстинктивно защищаясь, развернулась крошечным куполом. Это была чистая магия «Уюта» и «Порядка». Холодная, спокойная, структурированная.

Она коснулась бушующего океана магии Генерала, как капля ледяной воды касается раскаленной сковороды.

Эффект был мгновенным.

Гул в комнате оборвался.

Книги, парившие под потолком, плавно, словно в замедленной съемке, опустились на пол. Тяжелое пресс-папье мягко легло на ковер. Шторы перестали тлеть.

Генерал замер. Его плечи, напряженные до каменной твердости, вдруг дрогнули и опустились. Светящиеся фиолетовые трещины на его спине начали гаснуть, втягиваясь обратно под кожу, оставляя после себя лишь бледные шрамы.

Он сделал глубокий, судорожный вдох. Первый нормальный вдох за долгое время.

Я застыла на коленях, сжимая в руке окровавленный осколок. Тишина в кабинете звенела в ушах.

Генерал медленно убрал руки со стола. И начал поворачиваться.

Бежать. Нужно бежать прямо сейчас.

Но я не могла пошевелиться. Я смотрела, как он разворачивается, словно огромная гора.

Он посмотрел на меня.

Я ожидала увидеть безумие. Ожидала увидеть пустые глаза убийцы.

Но увидела я Бездну.

Его глаза были черными, как ночь без звезд. И в центре этой тьмы горели вертикальные, узкие зрачки ящера. Они пульсировали, то расширяясь, то сужаясь, пытаясь сфокусироваться на мне.

На его лице, жестком, с резкими скулами и трехдневной щетиной, застыло выражение абсолютного, детского недоумения. Словно он проснулся от кошмара и не понимал, где находится.

Он был огромен. С этого ракурса, снизу вверх, он казался великаном. Шрам на шее, похожий на след от когтя, пульсировал в такт его сердцу.

— Ты... — его голос был хриплым, скрежещущим, как камнепад.

Он сделал шаг ко мне. Его босая нога ступила на ковер совсем рядом с моей рукой.

Я увидела, как его рука — широкая ладонь с длинными пальцами — тянется ко мне. Может, он хотел схватить меня за горло? Или просто коснуться, чтобы проверить, настоящая ли я?

Инстинкт пересилил оцепенение.

— Прошу прощения, милорд! — выдохнула я, вскакивая на ноги одним слитным движением.

Поднос с осколками я прижала к груди как щит.

Генерал моргнул. Вертикальный зрачок дрогнул, начиная округляться, становясь человеческим. Тьма в глазах отступала, сменяясь насыщенным темно-синим цветом.

— Стой... — прорычал он, но в этом рыке уже не было угрозы, скорее просьба. Или приказ.

Я не стала проверять.

Я метнулась к двери, юркнув под его рукой. Выскользнула в коридор быстрее, чем собственная тень. И захлопнула тяжелую створку, наваливаясь на неё спиной.

Сердце колотилось так, что ребрам было больно. Я сползла по двери вниз, на ковер коридора. Поднос звякнул, осколки жалобно дзынькнули.

Надо мной навис Оливер. Он был белее мела.

— Ты жива? — прошептал он, глядя на меня как на выходца с того света.

Я кивнула, не в силах сказать ни слова. Меня трясло.

— Инспектор! — вдруг вспомнил старик, хватая меня за плечо. — Карета уже во дворе! Вставай! Если он увидит тебя в таком виде — мы пропали!

Он потащил меня прочь по коридору, подальше от двери, за которой затих Зверь. А я все еще чувствовала на своей коже фантомное прикосновение его взгляда — тяжелого, темного и... умоляющего.

Взгляд со стороны

Тишина оглушала.

Валериан де Блэквуд стоял посреди своего кабинета и слушал тишину.

Последний месяц его жизнь была непрерывным шумом. Гул магии в ушах, скрежет чужих мыслей, рев собственного дракона, который рвался наружу, желая сжечь этот мир дотла. Боль была его постоянной спутницей. Она вбивала раскаленные гвозди в виски, она выкручивала суставы.

А теперь...

Он осторожно пошевелил шеей. Ничего. Никакой боли. Только легкая, звенящая ясность.

Дракон внутри свернулся клубочком и спал. Спал! Впервые за полгода.

Валериан посмотрел на свои руки. Тремор исчез. Магия текла по венам ровным, спокойным потоком, а не бурлящей лавой.

— Что это было? — прохрипел он в пустоту.

Он обвел взглядом кабинет. Книги валялись на полу. Шторы висели печальными лохмотьями. Но хаос застыл.

Его взгляд упал на ковер. Туда, где секунду назад было кофейное пятно.

Пятна не было. Ворс был чистым, чуть влажным. И там, среди ворсинок, лежала крошечная, забытая тряпка из грубой ткани.

Валериан медленно опустился на одно колено. Он поднял тряпку.

Она пахла не гарью. И не старым замком.

Она пахла лавандой, дождем и чем-то неуловимо теплым. Чем-то, что заставило его звериную суть замурлыкать от удовольствия.

Он поднес ткань к лицу, делая глубокий вдох. Головокружение отступило окончательно.

Кто это был? Он видел только серый силуэт. Огромные, испуганные глаза цвета меда. И руки... тонкие руки, которые не побоялись прикоснуться к его хаосу.

Она сбегала. Испугалась его. Как и все остальные. Но она забрала боль.

Валериан сжал тряпку в кулаке. Глаза его потемнели, но теперь в них горел не безумный огонь, а холодная решимость охотника.

— Оливер! — рывкнул он так, что двери кабинета распахнулись сами собой.

Ему нужно найти эту серую мышку. И выяснить, что за магию она носит в своих венах. Потому что он не собирался отпускать единственное лекарство, которое сработало.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/Q2bg> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4

Три дня. Ровно семьдесят два часа я играла в самую опасную игру в своей жизни, ставкой в которой были не золотые монеты, а наши жизни.

Замок «Черная Скала» медленно менялся. Это было похоже на то, как больной, лежащий в горячке, вдруг открывает глаза и просит воды. Моя магия, капля за каплей, вымывала из каменных стен вековую тоску и въевшуюся ярость Генерала. Паутина исчезала из углов, сквозняки переставали быть волками в дымоходах, а свечи в коридорах теперь горели ровным, теплым светом, а не вспыхивали зеленым колдовским огнем.

Инспекция из Казначейства, которой так боялся Оливер, прошла как в тумане. Важный лорд в напудренном парике прошелся по Парадном Холлу, брезгливо потыкал тростью в идеально чистый ковер, заглянул в сверкающую столовую и уехал, не найдя к чему придраться. Мы получили отсрочку.

Но у любой победы была цена. И платил её мой сын.

Я приоткрыла дверь нашей каморки, стараясь, чтобы петли не скрипнули. В нос ударил теплый, сонный запах нагретой шерсти.

— Мама? — голос Тима прозвучал глухо, словно из-под земли.

Посреди комнаты возвышалась неуклюжая конструкция.

Тим стащил со своей кровати матрас, одеяло и все подушки, соорудив нечто среднее между крепостью и берлогой.

— Это я, мой хороший, — я быстро юркнула внутрь и закрыла засов.

Тим высунул лохматую голову из-под одеяла. На щеке у него остался след от подушки, а в глазах стояла такая все-ленская скука, что у меня защемило сердце.

— Я устал быть мышкой, — заявил он категорично, выбираясь из своего укрытия. — Мышки скучные. Они только сидят и грызут корки. Я хочу быть рыцарем. Или хотя бы котом. Коты гуляют где хотят.

Я опустилась перед ним на колени, стряхивая пылинку с его рубашки. За эти три дня он побледнел. Ребенку нужно солнце, нужно движение, а не каменный мешок четыре на четыре шага.

— Коты тоже иногда сидят дома, когда на улице дождь, — мягко сказала я.

— Но там нет дождя! — возмутился Тим, тыча пальцем в узкую бойницу, сквозь которую пробивался луч скупого северного солнца. — Там птички. Я видел ворону. Она на меня каркнула. Мам, ну давай выйдем? Хоть на немножко. Я буду тихо-тихо, как... как тень!

Я вздохнула, устало потирая виски. Голова гудела после утренней уборки в библиотеке. Книги там были старыми, вредными и постоянно норовили чихнуть пылью прямо в лицо.

— Нельзя, Тимоша. Мы же договаривались. Здесь хозяин — сердитый дракон. Если он увидит маленького мальчика, он очень рассердится.

Тим насупился, ковыряя пальцем дырку на коленке штанов.

— А он большой? — вдруг спросил он. — Больше папы? Я вздрогнула. Упоминание Вагнера всегда действовало на меня как удар хлыстом.

— Больше, — честно ответила я. — И намного громче.

— А он детей ест? — деловито уточнил сын, глядя на меня своими невозможными медовыми глазами.

— Нет, — я невольно улыбнулась. — Он ими давится. Дети для него слишком костлявые и шумные. Поэтому мы должны быть тихими, чтобы он про нас не вспомнил.

Тим тяжело вздохнул, признавая весомость аргумента.

— Ладно. Но я все равно хочу есть. Сухарь был невкусный. Он царапается.

— Я знаю, — я поцеловала его в лоб. — Я как раз иду на «охоту». Если будешь сидеть тихо и не развалишь свою крепость, я принесу тебе что-то сладкое. Обещаю.

Глаза сына загорелись.

— Пряник?

— Может быть, даже с глазурью. Жди меня, мой маленький рыцарь.

Я вышла в коридор, чувствуя, как улыбка сползает с лица, сменяясь маской сосредоточенности. Мне предстояла слож-

ная миссия. Ограбление собственной кухни.

Кухня встретила меня звоном ножей и запахом тушеной капусты.

За три дня здесь тоже многое изменилось. Марта, наша вечно подвыпившая кухарка, перестала смотреть на меня как на покойницу. Теперь она смотрела на меня как на опасную сумасшедшую, с которой лучше не спорить.

После того случая с очисткой тарелок она прониклась ко мне суеверным уважением. Она даже начала мыть руки перед готовкой — неслыханный прогресс.

— Явилась, — буркнула она, не отрываясь от шинковки моркови. Нож в её руке мелькал с пугающей скоростью. — Обед через час. Генерал еще не спускался.

— Я не за обедом, — я подошла к столу, стараясь выглядеть непринужденно. — Мне бы перекусить. Сил нет, в библиотеке пыли наелась.

Марта хмыкнула, смерив меня подозрительным взглядом.

— Жрешь ты, конечно, как полковая лошадь, — заметила она. — Вроде тощая, как жердь, а добавку просишь каждый раз. Куда только лезет?

Я пожала плечами, хватая со стола яблоко и натирая его о передник.

— Магия сжигает калории. Вы же видели, как я работаю. Это как дрова в печку кидать. Не подкинешь — огонь погаснет.

— Ой, не нуди, — отмахнулась Марта. — Вон, на противне булочки с корицей. Только из печи. Хозяин сладкое не жалуется, все равно пропадут. Бери пару штук, пока Оливер не видит. Этот старый хрыч каждую крошку считает.

Мое сердце подпрыгнуло. Булочки с корицей! Тим будет в восторге.

Я подошла к печи. Запах горячей сдобы и пряностей был таким густым, что у меня закружилась голова. Я быстро, пока Марта отвернулась к котлу, схватила три большие, румяные булки. Две завернула в салфетку и сунула в глубокий карман передника, одну оставила в руке для отвода глаз.

— Спасибо, Марта, — искренне сказала я. — Ты волшебница.

— Иди уже, «коллега», — фыркнула кухарка, но я заметила, как дрогнули уголки её губ в подобии улыбки. — И скажи Оливеру, чтобы вина прислал для соуса. А то готовить не на чем.

Я выскользнула из кухни, чувствуя, как горячая сдоба греет бедро сквозь ткань. Добыча была у меня. Осталось только доставить её в гнездо.

Я шла по коридорам быстрым шагом, почти бежала. В замке было тихо. Странно тихо. Раньше каждый день был наполнен звуками разрушения — где-то что-то падало, билось, трещало. Теперь же «Черная Скала» словно затаила дыхание.

Генерал не выходил из своего кабинета уже три дня. Оли-

вер носил ему еду и забирал пустые подносы. Говорил, что Хозяин работает с документами. Не рычит, не мечет молнии. Просто сидит и пишет.

И это пугало меня больше, чем его ярость. Затишье перед бурей? Или... или то прикосновение моей магии действительно что-то изменило в нем?

Я отогнала эти мысли. Не мое дело. Мое дело — копить деньги и планировать побег дальше, на юг, где Вагнер нас не достанет.

Я свернула в крыло для прислуги. До моей двери оставалось всего ничего, когда я услышала ЭТО.

— Р-р-р-р! Я ужасный дракон! Я сожгу твои башни! Пщ-щ!

Звук доносился из нашей комнаты. И он был громким. Очень громким.

Я похолодела. Тим!

Я рванула к двери, забыв об осторожности. Но не успела я взяться за ручку, как за спиной, в конце коридора, раздался характерный, шаркающий звук и стук трости о камень.

Тук. Шарк. Тук. Шарк.

Оливер.

Он шел сюда. И он не мог не слышать этого воинственного клича маленького драконоборца.

Паника ударила в голову раскаленной иглой. Если он увидит Тима — нам конец. Он вышвырнет нас прямо сейчас, не дав даже собрать вещи.

Я влетела в комнату, едва не сорвав дверь с петель.

Картина была эпичной. Тим стоял на кровати, замотанный в простыню, как римский патриций. В руке он сжимал деревянную ложку, как меч.

— Сдавайся, злодей! — кричал он воображаемому врагу.

— Тише!!! — зашипела я, бросаясь к нему.

Тим замер, глядя на меня с удивлением. Ложка застыла в воздухе.

— Мама? Ты принесла пряник?

— Я принесла тебе жизнь, горе ты мое луковое! — я сгребла его в охапку вместе с простыней. — Оливер идет! Прячься!

Глаза сына округлились. Он мгновенно понял серьезность момента. Игра закончилась.

— В шкаф? — шепотом спросил он.

— В шкаф! Живо! И ни звука, даже если там паук, даже если землетрясение!

Я подтолкнула его к массивному дубовому шкафу, который чудом сохранился в этой камерке. Тим юркнул внутрь, в темноту, пахнущую лавандой от моих саше. Я захлопнула дверцу.

Тук. Шарк. Тук.

Шаги были уже у самой двери.

Я метнулась к столу, пытаясь изобразить бурную деятельность. Схватила тряпку, начала яростно протирать и без того чистую поверхность. Сердце колотилось так, что казалось,

оно сейчас проломит ребра.

В дверь не постучали. Её просто открыли.

Оливер стоял на пороге, опираясь на свою сучковатую трость. В другой руке он держал стопку белья.

Он выглядел старым и уставшим, но его единственный глаз сканировал пространство с цепкостью коршуна.

— Эмилия, — проскрипел он. — Я слышал шум.

У меня пересохло в горле.

— Шум? — я постаралась сделать максимально глупое лицо. — А, это я... Я пела. Когда убираюсь, всегда пою. Помогает ритм держать.

Оливер скептически выгнул седую бровь.

— Пела? Басом? И кричала про сожженные башни?

— Это... старинная народная песня, — выкручивалась я, чувствуя, как краснею. — «Баллада о пьяном рыцаре». Там очень... экспрессивный припев.

Старик хмыкнул, проходя в комнату. Он положил стопку белья на кровать.

— Странные у тебя песни, девка. Ну да ладно. Вот, держи. Полотенца и нормальная простыня. Ты заслужила. Генерал приказал выдать тебе аванс и обеспечить всем необходимым.

— Спасибо, — выдохнула я, надеясь, что он сейчас уйдет.

Но Оливер не уходил. Он медленно обвел взглядом комнату.

Каморка изменилась до неузнаваемости. Стены больше не были серыми — я отчистила их до теплого бежевого камня.

Пол был вымыт так, что на нем можно было сидеть. На окне висела занавеска, которую я сшила из старой наволочки. Здесь пахло домом.

— Ты творишь чудеса, — пробормотал Оливер, проводя пальцем по спинке стула. Ни пылинки. — Замок успокаивается. Я чувствую это костями. Они перестали ныть по ночам.

— Я просто делаю свою работу, — скромно сказала я, молясь, чтобы Тим в шкафу не чихнул.

Оливер кивнул. Он повернулся, чтобы уйти, и вдруг его взгляд замер.

Я проследила за его взглядом и почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Мой взгляд скользнул вслед за взглядом старика и уперся в табурет, стоящий у кровати.

Там, на самом краю, дразняще ярким пятном лежал крошечный, вязаный носок. Синий, с желтой пяткой. Тим потерял его во время своей битвы с невидимыми драконами, а я, в панике запихивая ребенка в шкаф, просто не заметила эту улику.

В комнате повисла тишина, тяжелая, как надгробная плита.

Я забыла, как дышать. Кровь отлила от лица. Всё. Это конец. Сейчас он закричит. Сейчас позовет стражу. Сейчас нас вышвырнут в ночь, и Вагнер найдет нас через час.

Оливер смотрел на носок долго. Невыносимо долго. Потом он медленно перевел взгляд на шкаф, из которого не до-

носились ни звука, но который, казалось, вибрировал от детского страха. И, наконец, посмотрел мне в глаза.

Я открыла рот, чтобы начать умолять. Чтобы соврать что-то нелепое про талисман на удачу, про подарок племяннику... Но слова застряли в горле. Врать было бесполезно. Старый управляющий был кем угодно, но не дураком.

Оливер поджал губы. Его лицо стало жестким, непроницаемым.

— Три дня, — тихо произнес он. — Три дня Генерал не разбил ни одной чашки. Три дня он не кричал от боли. Вчера он впервые за месяц съел весь ужин и даже попросил добавки.

Я молчала, вцепившись пальцами в край передника так, что побелели костяшки. При чем тут это? Он тянет время перед казнью?

Старик сделал шаг к табурету.

— Я служу Блэквудам сорок лет, — продолжил он, глядя куда-то в стену. — Я видел, как этот замок процветал, и видел, как он превращался в склеп. Я устал хоронить слуг, Эмилия. Я устал бояться каждого шороха из Восточного крыла.

Он поднял стопку чистого белья, которую держал в руках.

— Тишина в этом замке стоит очень дорого, — проскрипел он. — И если цена этой тишины — пара лишних булочек с кухни или... «странные песни» в закрытой комнате...

Оливер разжал руки. Полотенца и простыни упали на та-

бурет, аккуратно накрыв собой синий детский носок. Улика исчезла под белоснежной тканью.

Я судорожно выдохнула, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— То я готов заплатить эту цену, — закончил он, глядя мне прямо в глаза. — Но учти, девка. Генерал — не я. У него слух как у летучей мыши, а характер как у вулкана. Если он узнает... я тебя не прикрывал. Я ничего не видел. И ничего не слышал. Ты меня поняла?

— Да, — прошептала я. Слезы облегчения жгли глаза. — Спасибо, Оливер. Спасибо.

— Дверь держи закрытой, — буркнул он, разворачиваясь к выходу. — И заткни щели снизу тряпками. Звукоизоляция тут ни к черту.

Он вышел, громко стукнув тростью о порог. Дверь закрылась.

Я стояла и смотрела на стопку белья, под которой был спрятан секрет моей жизни. Оливер знал. И он промолчал. В этом мрачном, проклятом месте у нас появился союзник. Не из доброты, нет. Из чистого расчета. Но сейчас мне было все равно.

Я метнулась к шкафу и распахнула дверцы.

Тим сидел там, зарывшись в мои платья, сжавшись в комочек. Увидев свет, он зажмурился.

— Дедушка ушел? — шепотом спросил он.

— Ушел, малыш. Ушел, — я подхватила его на руки,

крепко прижимая к себе. Меня все еще трясло от пережитого ужаса. — Вылезай, мой партизан.

Тим обвил руками мою шею.

— Ты дрожишь, мам. Ты испугалась?

— Немного, — призналась я, утыкаясь носом в его макушку. — Но все хорошо. Мы в безопасности.

Я опустила его на кровать и полезла в карман передника. Салфетка была еще теплой.

— Смотри, что у меня есть.

Я развернула ткань. Три румяные, пахнущие корицей и сахаром булочки лежали на ладони. Запах сдобы мгновенно наполнил комнату, перебивая запах страха.

Глаза Тима расширились, в них вспыхнул чистый детский восторг.

— Ух ты! Прямо как на праздник!

Он схватил булку двумя руками и вонзил в неё зубы, жмурясь от удовольствия. Сахарная пудра осталась у него на носу.

Я смотрела на него, и страх медленно отступал. Мы выиграли еще один день. Замок «Черная Скала» был тюрьмой, да. Но в этой тюрьме кормили теплыми булками, а тюремщик оказался готов закрыть глаза на нарушение правил ради собственного спокойствия.

— Ешь, мой дракон, — тихо сказала я, глядя сына по голове. — Набирайся сил.

За окном сгущались сумерки. Где-то там, в Восточном

крыле, сидел настоящий Дракон, чью боль я случайно забрала, и чье спокойствие теперь было гарантом нашей жизни.

Я подошла к двери и, как велел Оливер, плотно подоткнула щель снизу старым одеялом.

Глава 5

Вечер в замке «Черная Скала» пах не осенней прохладой и дождем, а подгоревшей кашей и дешевым пойлом.

Я спустилась на кухню через час после того, как уложила Тима. Малыш, утомленный сидением в шкафу и нервотрепкой, уснул мгновенно, едва его голова коснулась подушки. Я трижды проверила засов, заткнула щель под дверью старым одеялом и наложила на комнату «Полог Тишины» — слабенькое заклинание, на которое ушли последние крохи моего резерва. Теперь, даже если Тим проснется и решит спеть арию дракона, снаружи никто ничего не услышит.

На кухне было тихо. Подозрительно тихо.

Огромный медный котел в очаге уже остыл, а огонь превратился в кучку серых углей. Посреди этого великолепия, положив голову на мешок с мукой, спала Марта.

Наша кухарка выглядела монументально. Её могучая грудь мерно вздымалась, издавая звуки, похожие на работу кузнечных мехов. Рядом, в луже чего-то липкого, валялась пустая бутылка из-под настойки.

— Марта? — я осторожно потыкала её пальцем в плечо.

В ответ раздалось громкое, смачное храпение. Марта «отметила» чистоту кухни с размахом, достойным королевского пира.

Дверь в коридор распахнулась с грохотом. На пороге сто-

ял Оливер. Вид у старого управляющего был такой, словно он только что увидел привидение. Или, что хуже, трезвого Генерала.

— Где ужин? — просипел он, не тратя времени на приветствия. — Хозяин спустился в Малую столовую. Он ждет.

Я молча указала рукой на спящее тело кухарки.

Оливер побелел. Его единственный глаз расширился от ужаса.

— Святые угодники... — прошептал он. — Он убьет нас. Он просто испепелит это крыло к демонам. Валериан не ел сутки. У него сегодня был тяжелый день, он прочел отчеты из столицы. Если я сейчас выйду к нему и скажу, что ужина нет...

Старик схватился за сердце и осел на лавку.

— Всё. Конец. Собирай вещи, Эмилия. Если успеем добежать до ворот, пока он будет ломать мебель, может, и выживем.

Я смотрела на паникующего старика, на пьяную Марту, на холодный очаг. В голове щелкал невидимый калькулятор.

Бежать сейчас — значит оказаться ночью в лесу. Без денег (аванс Оливер обещал, но еще не дал), с сонным ребенком на руках. Нас поймают либо волки, либо люди Вагнера.

— Вставай, Оливер, — сказала я, затягивая пояс передника туже. — Никто никуда не побежит.

— Ты не понимаешь! — простонал управляющий. — Он в бешенстве! Голодный дракон — это стихийное бедствие!

— Голодный дракон — это просто голодный мужчина, только с чешуей, — отрезала я, подходя к очагу. — Раздувай угли. Быстро!

В моем голосе прозвучало столько стали, что Оливер подскочил, как ужаленный, и, забыв про свой радикулит, кинулся к мехам.

Я оглядела поле битвы. Что у нас есть?

В кладовой нашлась говядина. Кусок был мрачный, темный и жесткий на вид. Видимо, этот бык умер своей смертью от старости, успев написать мемуары. Картофель, морковь, лук, пучок увядшего тимьяна.

Двадцать минут. У меня есть максимум двадцать минут, прежде чем ожидание Генерала перерастет в желание кого-нибудь убить.

Обычная варка займет часа три. У меня их нет.

Я выдохнула, прикрыла глаза и потянулась к своему источнику. Он был пуст, но я знала один секрет. Бытовая магия — это магия жизни. Она везде. В огне, в воде, в зерне. Мне не нужно тратить свою силу, мне нужно просто направить то, что уже есть.

— Ignis, — шепнула я, бросая сухую щепку в угли. Огонь взревел, охватывая дно котла жадным языком.

Я швырнула на дно кусок масла. Пока оно шипело, я рубила мясо. Нож мелькал в моих руках, превращая жесткую говядину в аккуратные кубики.

Мясо полетело в котел. Шшшш! Запахло жареным.

Теперь главное.

Я положила ладони на горячие бока котла. Закрыла глаза.

Я представила не просто еду. Я представила тепло. Покой. Ощущение сытости, когда ты сидишь у камина в зимнюю выюгу.

— *Mollis*, — приказала я мясу. — Стань мягким. Отдай сок. Прими вкус.

Магия потекла через кончики пальцев. Золотистая, тягучая. Она пронизывала жесткие волокна говядины, разрушая их, делая податливыми, как масло.

Оливер, который чистил картошку с такой скоростью, что летела шкурка, замер, глядя на котел.

— Ты что делаешь? — прошептал он. — Ты колдуешь в еду? Если он почувствует...

— Если он не поест, мы умрем, — напредила я, закидывая овощи. — Не мешай.

Я залила все водой, добавила соль, перец и тимьян. Бульон забурлил.

Обычно рагу должно томиться часами, чтобы вкусы поженились. Я ускоряла время внутри котла. Я закручивала потоки тепла спиралью, заставляя молекулы двигаться быстрее.

— *Satiety et Pax*, — прошептала я финальную формулу. Сытость и Мир.

Пар, поднимающийся над котлом, изменился. Он перестал пахнуть просто варевом. Он запах домом. Он запах тем, чего в этом замке не было уже много лет — заботой.

Через пятнадцать минут рагу загустело. Соус стал насыщенным, темно-коричневым, глянцевым.

Я зачерпнула ложкой немного на пробу. Мясо таяло во рту. Вкус был глубоким, обволакивающим. Это была не высокая кухня столичных ресторанов. Это была еда, которая лечит душу.

— Готово, — я вытерла пот со лба. — Тащи поднос.

Оливер дрожащими руками поставил на стол серебряный поднос. Я наполнила глубокую тарелку, положила рядом ломоть свежего хлеба (к счастью, хлеб Марта испекла до того, как ушла в запой) и налила кубок вина.

— Неси, — скомандовала я.

Старик посмотрел на тарелку, потом на меня.

— Если я не вернусь... — начал он торжественно.

— Вернешься. Иди уже, пока не остыло.

Оливер исчез в темном коридоре.

Я осталась одна в кухне, если не считать храпящей Марты. Адреналин отступил, и колени задрожали. Я опустилась на табурет, глядя на огонь.

Что я наделала?

Я вложила в еду магию. Для дракона, который чувствует любой магический всплеск за версту. Я рисковала всем. Если он поймет, что это бытовая магия... та самая, что успокоила его в кабинете три дня назад...

«Он просто голоден, — успокаивала я себя. — Он сожрет и не заметит».

Минуты тянулись вязко, как патока. Я успела вымыть нож, протереть стол и даже перетащить Марту на лавку, подложив ей под голову мешок.

Десять минут. Пятнадцать. Двадцать.

В коридоре послышались шаги. Быстрые, шаркающие.

Дверь распахнулась. Оливер стоял на пороге с пустым подносом в руках. Его лицо выражало крайнюю степень изумления, граничащую с шоком.

— Ну? — спросила я, поднимаясь. — Он швырнул тарелку в стену?

— Он... — Оливер сглотнул. — Он вылизал всё. Даже соус хлебом вымакал.

Я выдохнула, чувствуя, как с плеч свалилась гора.

— Слава богам.

— Подожди радоваться, — голос Оливера дрогнул. — Он требует повара. Сейчас же.

Мое сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в пятки.

— Зачем?

— Не знаю. Он сидит там, смотрит на пустую тарелку и говорит: «Приведи того, кто это сделал». Эмилия... — старик посмотрел на меня с жалостью. — Если он понял...

— Я пойду, — я развязала передник, стараясь, чтобы руки не тряслись. — Я не прятаться сюда пришла.

Врала. Именно прятаться. Но прятаться больше не получалось.

Путь до Малой столовой казался бесконечным. Коридоры замка тонули в вечернем полумраке, редкие факелы лишь разгоняли тени по углам, делая их гуще и страшнее.

Я шла, считая шаги, чтобы успокоить дыхание.

«Ты просто служанка. Ты нашла рецепт в книге. Ты ничего не знаешь о магии. Ты — пустое место».

Оливер открыл передо мной высокие двустворчатые двери.

Малая столовая была меньше Парадного Холла, но все равно огромной. Длинный стол из черного дерева мог вместить дюжину гостей, но сейчас он был пуст. Горел только камин в дальнем конце зала и канделябр на три свечи.

В круге этого скупого света сидел Генерал.

Валериан Блэквуд.

Он сидел, откинувшись на высокую спинку кресла, вертя в пальцах пустой кубок. На нем была простая белая рубашка с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья. Волосы были влажными и зачесаны назад, открывая высокий лоб и резкие черты лица.

Он выглядел лучше, чем в тот раз, в кабинете. Шрамы на лице побледнели, фиолетовая сетка вен исчезла. Но от этого он не стал менее пугающим. Хищник, который сыт, все равно остается хищником.

Я вошла и остановилась в трех шагах от стола, склонив голову в низком поклоне.

— Вы звали меня, милорд?

Тишина. Он молчал, изучая меня. Я чувствовала его взгляд кожей — тяжелый, физически осязаемый. Он скользил по моему чепцу, по опущенным плечам, по рукам, спрятанным за спиной.

— Кто готовил? — его голос был низким, ровным. В нем не было ярости, но была странная вибрация, от которой у меня мурашки побежали по спине.

— Я, милорд... — я замялась, подбирая слова, которые не звучали бы как приговор для Марты. — Марта сегодня нездорова.

Валериан хмыкнул. Этот звук был похож на скрежет кинжала о камень.

— Пьяна, ты хотела сказать.

Я промолчала. Спорить с Генералом Драконов о состоянии его персонала было бы самоубийством.

Он медленно повернул голову, глядя на пустую тарелку так, словно это был артефакт древней цивилизации.

— Ты знаешь, какова еда на вкус, когда твоя магия выжигает тебя изнутри? — тихо спросил он. Вопрос был риторическим, но я все равно вздрогнула. — Пепел. Гниль. Горечь. Я ем только потому, что моему телу нужно топливо, чтобы не сдохнуть. Я не чувствовал вкуса мяса уже полгода.

Он поднял взгляд на меня. В полумраке его глаза казались черными провалами, но я видела в них отблески пламени камина.

— А сегодня... — он провел пальцем по краю тарелки.

— Сегодня я почувствовал вкус. Тепло. Покой. Как тебе это удалось?

— Я... я просто добавила тимьян и немного розмарина, милорд, — соврала я, глядя в пол. — И томила на медленном огне.

— Травы, — повторил он с недоверием. — Просто травы. Скрипнуло дерево. Валериан встал.

Он был высоким. Намного выше, чем казалось, когда он сидел. Его тень накрыла меня, поглотив целиком. Я услышала глухой стук его сапог по паркету. Он обходил стол. Он шел ко мне.

У меня перехватило дыхание. Инстинкт кричал: «Беги!», но ноги словно прибили к полу гвоздями.

Он остановился прямо передо мной. Близко. Непозволительно близко. Я чувствовала жар, исходящий от его тела — ровный, мощный жар печи. Пахло от него дорогим мылом, кожей и той самой опасностью, от которой волосы на затылке встают дыбом.

— Подними голову, — приказал он.

Я медленно, преодолевая сопротивление шейных позвонков, подняла взгляд.

На его лице не было ярости. Было холодное, хищное любопытство. Он изучал меня, как ученый изучает новый, неизвестный вид насекомого.

— Ты была в моем кабинете три дня назад, — это был не вопрос. Утверждение.

— Я убирала осколки, милорд.

— Ты сделала больше, чем просто убрала осколки, — он сделал еще полшага вперед. Я инстинктивно качнулась назад, но уперлась спиной в невидимую стену его ауры.

Валериан наклонился ко мне. Его лицо оказалось на уровне моего виска. Я замерла, боясь вдохнуть. Он... нюхал меня? Он сделал глубокий вдох, втягивая воздух носом.

— Лаванда, — прошептал он. Его голос вибрировал у самого моего уха, вызывая странную дрожь в коленях. — Ты пахнешь лавандой. И еда пахла лавандой. И мой кабинет после твоего ухода пах так, будто там расцвел луг, а не сгорела преисподняя.

Я молчала, судорожно сжимая руки за спиной. Он знает. Он чувствует магию. Я пропала.

— Кто ты? — спросил он, отстраняясь и снова глядя мне в глаза. Вертикальные зрачки в его глазах сузились.

— Эмилия, милорд. Служанка.

— Лгунья, — беззлобно, почти с восхищением произнес он. — Но мне плевать, кто ты на самом деле, Эмилия. Хоть беглая принцесса, хоть ведьма из пустошей.

Он развернулся и пошел обратно к своему креслу, бросив через плечо:

— Марту уволить. Выдать ей жалование и выставить за ворота, как только проспится. С этого дня кухней заведешь ты.

— Но, милорд... я одна не справлюсь со всем замком...

— Наймешь помощников. Оливер даст денег, — он сел, снова превращаясь в незыблемый монумент власти. — И еще одно.

Я замерла в ожидании.

— Моя спальня, — произнес он, глядя на огонь в камине. — Там воняет одиночеством и бессонницей. Я хочу, чтобы ты перестелила постель. И чтобы там пахло так же.

Он замолчал на секунду.

— Лавандой и покоем. Мне... подходит этот запах.

Это было повышение. И это была ловушка. Он подпускал меня к себе. К своему телу, к своей еде, к своей постели. Я становилась личной служанкой дракона. Самое опасное место в мире для той, кто скрывает ребенка.

— Как прикажете, Генерал, — я присела в глубоком реверансе.

— Свободна. Завтрак в восемь. И не смей кормить меня овсянкой. Я хочу мяса.

Я выскользнула из столовой, прикрыв за собой тяжелые двери.

В коридоре было темно и холодно, но мое лицо горело. Я прислонилась спиной к стене и сползла вниз, закрывая лицо руками.

Я выжила. Я накормила чудовище, и оно не откусило мне руку. Более того, оно потребовало добавки.

Но теперь я была у него на крючке. Он знает, что я — его лекарство. И он меня не отпустит.

Где-то наверху, в нашей маленькой комнатке, спал Тим. Мой маленький дракончик.

— Мы справимся, — прошептала я в темноту. — Мы обязательно справимся. Я стану лучшей кухаркой в мире, если это спасет нас.

Я поднялась и пошла наверх, в свою каморку. Завтра будет новый день. И новые битвы. А сейчас мне нужно было просто обнять сына и уснуть, пока замок «Черная Скала» хранил свою хрупкую тишину.

Глава 6 (Эми/Тим)

Эмилия

Свобода пахла конским навозом, жареными каштанами и мокрой брусчаткой.

Я стояла посреди рыночной площади, вдыхая этот букет, как самый изысканный парфюм. После спертого, наэлектризованного воздуха замка «Черная Скала» обычный городской шум казался музыкой. Крики торговков, ржание лошадей, перебранка возниц — все это говорило о том, что жизнь продолжается.

Оливер выдал мне аванс. Тяжелый мешочек с серебром приятно оттягивал пояс.

— Мясо, — бормотала я, пробиваясь сквозь толпу к мясным рядам. — Мне нужно идеальное мясо. Такое, чтобы Генерал съел его и забыл, как рычать.

Мясник, грузный мужчина с красным лицом и фартуком, заляпанным кровью, посмотрел на меня с подозрением. Мой серый чепец и простое платье выдавали во мне служанку, но осанка (которую не выбьешь даже годами бегов) и требовательный взгляд заставили его придержать язык.

— Вырезка молодого тельенка, — я указала на кусок, висевший на крюке. — И не пытайтесь подсунуть мне лопатку, уважаемый. Я готовлю для Генерала Блэквуда. Если ему не понравится, я скажу, что мясо купила у вас.

Упоминание Блэквуда сработало лучше, чем заклинание ужаса. Мясник побледнел и тут же снял лучший кусок, заворачивая его в промасленную бумагу с такой тщательностью, словно это был младенец.

— Лучшее, миледи... то есть, госпожа. Передавайте Генералу... э-э... мое почтение.

Я расплатилась и пошла дальше. В корзине уже лежали свежие овощи, пучок лаванды (для спальни хозяина) и мешочек с мукой высшего сорта. Оставалось самое главное.

Я остановилась у лотка сладостей.

Леденцы на палочках сияли на солнце, как драгоценные камни. Красные петушки, желтые зайцы, зеленые дракончики.

— Одного петушка, пожалуйста, — попросила я, доставая мелкую монетку.

Тим заслужил этот праздник. Он сидит взаперти уже четвертый день. Мой маленький узник. Сердце кольнуло привычной виной. Я заперла дверь на засов, подперла стулом, но тревога не отпускала. Материнское сердце — паршивый барометр, оно всегда показывает бурю, даже когда на небе ни облачка.

«Он спит, — успокаивала я себя. — Или играет в кубики. Дверь заперта. Что может случиться за один час?»

Я сунула леденец в карман и поспешила к городским воротам. Замок «Черная Скала» нависал над городом темной тучей, и мне казалось, что его бойницы следят за мной.

Нужно спешить. Генерал просил обед к часу дня.

Тим

Мама ушла. Дверь сделала «кляц» и закрылась. Потом еще был звук, как будто мама двигает стул. Шррр-бум.

Я остался один. Опять.

Сначала я сидел на кровати и считал мух. Мух было две. Одна толстая и ленивая, другая маленькая и быстрая. Толстая села мне на нос. Я хотел её поймать, но она улетела на потолок.

— Предательница, — сказал я мухе.

Мне было скучно. Скука — это такое липкое чувство внутри, как будто ты наелся старой каши. Я слез с кровати и подошел к своему «замку» из подушек. Он развалился. Даже играть в рыцаря не хотелось, потому что рыцарю нужен дракон, а дракон (мой папа, как сказала мама) сидит где-то далеко и не хочет со мной играть.

Я подошел к двери.

Там, внизу, была щель. Я лег на пол и посмотрел в неё. Видно было только серые камни коридора. Но оттуда дул ветер. Ветер пах пылью и чем-то... щекотным. Как будто кто-то чихнул искорками.

Я потрогал дверь. Она была заперта. Мама всегда запирает. Она говорит, что снаружи ходят злые дяди. Но я-то знаю, что самый злой дядя — это Оливер, а он дал мне булку вчера. Значит, не такой уж он и злой.

— Хочу гулять, — сказал я двери.

Дверь не ответила.

Я посмотрел на засов. Он был высоко. Я притащил табуретку, пыхтя, как паровоз. «Чух-чух-чух». Залез на неё.

Железная палка была тяжелой. Я тянул её двумя руками, но она не двигалась. Она была старая и ржавая, как дедушкин ножик.

— Ну откройся! — я топнул ногой.

Внутри меня что-то нагрелось. Как будто я выпил горячего молока. По пальцам пробежали мурашки, такие смешные и теплые. Я снова дернул железку.

Щелк.

Железка сама поехала в сторону, как будто её кто-то смазал маслом. И стул, который мама поставила с той стороны, вдруг сам отъехал. Тихо-тихо.

Ух ты! Я волшебник! Как мама!

Я слез с табуретки и толкнул дверь. Она заскрипела, открываясь.

Коридор был огромный. Потолок уходил высоко вверх, там висела паутина. Факелы на стенах горели тускло, отбрасывая длинные тени. Тени плясали и махали мне руками.

— Привет, тени, — вежливо сказал я.

Я сунул руку в карман. Там лежал мой Дракоша. Это была деревянная фигурка, которую мама вырезала мне давно, когда мы еще жили в лесу. У Дракоши было отломано одно крыло, но я любил его. Он был смелый.

— Пойдем, Дракоша, покажем им, кто тут главный, — шепнул я игрушке.

Мы пошли.

Пол был холодный, но я был в носках. Я шлепал по плитам: топ-топ-топ. Заглянул за угол. Там была лестница вниз, на кухню. Оттуда пахло капустой. Фу, не хочу капусту.

Я пошел в другую сторону. Туда, где было темнее и теплее. Стены там были другие — черные и гладкие. И ковер на полу был мягкий, красный, как ягодка.

Идти было весело. Я представлял, что я разведчик в пещере гоблинов.

Вдруг впереди что-то зашевелилось.

Это было не тень. Это было что-то большое, темное и лохматое. Оно сидело посередине коридора и смотрело на меня горящими глазами. Глаза были желтые, как у совы.

Оно зарычало. Звук был низкий, как будто гром гремит далеко-далеко.

Р-р-р-р...

Любой другой мальчик бы убежал. Или заплакал. Но я почему-то не испугался. Монстр был похож на большую собаку, только сделанную из дыма. У него из спины шел пар, а зубы были белые и острые.

— Ой, собачка! — обрадовался я.

Я всегда хотел собаку. Мама не разрешала. Говорила, что нам нечем её кормить.

Собака из дыма встала. Она была огромной, выше меня.

Она открыла пасть, и оттуда потекла слюна, которая шипела, капая на ковер.

— Ты потерялся? — спросил я, подходя ближе. — Ты чей?

Собака удивилась. Она перестала рычать и склонила голову набок. Уши у неё были длинные и рваные.

Я протянул руку.

Монстр дернулся, хотел, наверное, меня куснуть, но вдруг замер. Он понюхал мою ладонь. Его нос был холодный и мокрый, как ледышка.

— Хороший мальчик, — сказал я. — Ты черный, как уголек.

Внутри меня опять стало тепло. Дракоша в кармане нагрелся. Собака вдруг жалобно пискнула и легла на живот, прямо передо мной. Её хвост, похожий на плетъ, начал стучать по полу: тук-тук-тук.

Она признала меня!

Я подошел вплотную и запустил пальцы в её шерсть. Шерсть была странная — вроде мягкая, а руки сквозь неё проваливались, как в туман.

— Ты будешь Бобик, — решил я. — У соседки в деревне был Бобик, он тоже любил кусаться.

Бобик лизнул меня в щеку. Я засмеялся. Язык у него был шершавый.

— А у меня есть Дракоша, — я достал из кармана деревянную игрушку и показал псу. — Смотри. Он тоже страш-

ный, как ты. Вы подружитесь.

Бобик понюхал игрушку и чихнул. Из носа вылетели искорки.

Мы начали играть. Я бегал вокруг колонны, а Бобик гонялся за мной. Он был смешной. Он умел проходить сквозь стены и появляться с другой стороны. Я хохотал так, что эхо летало под потолком.

Вдруг Бобик остановился.

Его уши встали торчком. Шерсть на загривке вздыбилась, и он перестал быть веселым. Он снова стал страшным.

Он посмотрел в конец коридора, туда, где были большие двери.

Оттуда слышались шаги.

Бум. Бум. Бум.

Тяжелые. Сердитые.

Бобик заскулил, посмотрел на меня виновато и вдруг — пуф! — растворился в воздухе, как дым от костра.

Я остался один.

Шаги приближались. И они мне не нравились. От них веяло жаром, как от открытой печки.

— Иду на запах... — услышал я голос. Глухой, страшный голос.

Мама говорила: «Если услышишь кого-то — прячься».

Я испугался. Не так, как собаку, а по-настоящему. Я понял, что зашел слишком далеко. В запретное место.

Я развернулся и побежал. Ножки у меня короткие, а ко-

ридор длинный. Я бежал изо всех сил, топая пятками.

Бум. Бум.

Шаги ускорились. Тот, кто шел сзади, услышал меня!

Я бежал мимо портретов, мимо рыцарских доспехов. В боку закололо. Я споткнулся о край ковра и чуть не упал, взмахнув руками.

Дракоша!

Моя деревянная игрушка выскользнула из потной ладошки. Она упала на ковер, но я не мог остановиться. Нельзя останавливаться. Страшный Дядя уже близко.

Я добежал до поворота, свернул в свой коридор, где пахло плесенью и мамой.

Вот моя дверь. Она была приоткрыта.

Я влетел внутрь, захлопнул дверь и прижался к ней спиной, тяжело дыша. Сердечко стучало как молоточек: тук-тук-тук.

Я посмотрел на свою руку. Пусто.

Дракоши не было.

Я выронил его там. В красном коридоре. Там, где ходит страшный Дядя.

Слезы навернулись на глаза. Мой любимый Дракоша... Единственный друг, кроме мамы.

Но выходить обратно было нельзя. Я знал это точно. Там, за дверью, прошла Тень. Тяжелая и горячая.

Я забрался на кровать, накрылся одеялом с головой и заплакал тихо-тихо, чтобы никто не услышал. Я хотел маму. И

я хотел вернуть своего друга.

Эмилия

Я бежала по дороге к замку, не чувствуя ног. Корзина с продуктами била меня по бедру, но я не замечала боли.

Тревога, которая на рынке была лишь легким холодком, теперь превратилась в ледяную руку, сжимающую горло.

«Что-то случилось. Я знаю, что-то случилось».

Ворота замка были открыты. Оливер дремал в своей будке.

Я пронеслась мимо него вихрем, даже не кивнув. Влетела во двор, потом в служебный вход.

По лестнице — через две ступеньки.

Коридор третьего этажа.

Моя дверь была закрыта. Стул стоял на месте, подпирая ручку.

Я выдохнула, прислонившись к стене. Слава богам. Я просто параноик. Я сумасшедшая мать, которой везде мерещатся катастрофы. Все на месте. Все закрыто.

Я отодвинула стул. Открыла засов (он поддался подозрительно легко, но я списала это на свои дрожащие руки).

Вошла в комнату.

Тим лежал на кровати, с головой укрывшись одеялом.

— Тимоша? — позвала я ласково, ставя корзину на стол.

— Я пришла. Смотри, что я принесла.

Одеяло зашевелилось. Показалась заплаканная мордаш-

ка. Глаза красные, нос хлюпает.

— Мама... — всхлипнул он.

Я бросилась к нему, ощупывая лоб, руки, ноги. Цел? Не ушибся? Не заболел?

— Что случилось, родной? Тебе приснился страшный сон?

Тим помотал головой. Он уткнулся мне в грудь и разрыдался в голос.

— Я... я потерял Дракошу! — выдавил он сквозь слезы.

— Потерял? — я оглядела крошечную комнату. — Ну как же потерял? Он, наверное, закатился под кровать. Мы сейчас найдем.

— Нет! — закричал Тим, и в его голосе было столько отчаяния, что я замерла. — Я уронил его! Там! В большом коридоре! Где ходит Бобик!

У меня внутри все оборвалось.

— В каком коридоре, Тим? — спросила я очень тихо, чувствуя, как холодеют руки. — Ты выходил из комнаты?

Он кивнул, размазывая слезы.

— Я хотел гулять... Дверь открылась... Я пошел к Бобику... А потом пришел Большой Дядя, и я убежал... А Дракоша остался там!

Мир покачнулся.

Он выходил. Мой сын гулял по замку. Он был в «большом коридоре» — это Восточное крыло. Крыло Генерала.

И он оставил там улику.

Не носок, который можно спрятать. Не крошки, которые можно смести. Деревянную игрушку. Грубую, самодельную, явно детскую игрушку.

Если Генерал найдет её...

Я вскочила.

— Сиди здесь! — крикнула я, забыв про леденец. — Никуда не выходи! Я сейчас!

Я должна найти эту игрушку раньше Блэквуда. Должна успеть.

Я выскочила за дверь и побежала по коридору в сторону Восточного крыла, молясь всем богам, чтобы Генерал сегодня решил поспать подольше.

Но я опоздала.

Еще издалека, с лестницы, я услышала этот звук.

Рев.

Полный ярости рев дракона, который нашел в своем логове чужой запах.

Глава 7 (Валериан)

Валериан

Тишина в Восточном крыле была обманчивой. Она напоминала тонкий лед на озере: ступишь чуть тяжелее — и провалишься в ледяную черную воду.

Я шел по коридору, заложив руки за спину, и прислушивался к собственному телу. Это было странное, почти забытое чувство — отсутствие боли. Магический резерв, который обычно бурлил в венах расплавленным свинцом, сейчас тек ровно, лениво перекачиваясь под кожей.

Четвертый день.

Четвертый день без приступов. Без кровавой пелены перед глазами. Без желания разнести замок по кирпичику просто чтобы заглушить гул в голове.

И все это благодаря ей.

Я невольно вдохнул воздух, пытаюсь уловить тот тонкий аромат, который теперь витал в моих покоях. Лаванда. Свежесть. Покой.

Новая служанка... Эмилия.

Она была странной. Слишком гордой для прислуги. Слишком чистой для той, кто возится с грязным бельем. И её магия... О, я чувствовал её. Это была не жалкая искра бытовика-недоучки. Это была структурированная, плотная сила, которая умела подчинять хаос. Она вплетала её в еду, в

простыни, в сам воздух этого проклятого места.

Она лгала мне, конечно. О том, кто она такая. Но мне было плевать. Пока она приносит мне покой, она может быть хоть беглой королевой, хоть шпионкой вражеского государства. Я оставшуюся её себе. Запру в золотой клетке, прикую цепями к кухне и спальне, но не отпущу.

Я остановился у высокого стрельчатого окна, глядя на свинцовое небо.

Впервые за годы я думал о будущем не как о сроке до своей окончательной деградации в безумного ящера, а как о... времени. Может, стоит проверить гарнизоны на границе. Может, стоит разобрать завалы бумаг.

Я развернулся, собираясь идти в библиотеку. И замер. Что-то было не так.

Коридор был пуст. Слишком пуст. Обычно здесь, в тенях между колоннами, дежурил мой Страж — Теневой Пес. Сущность, созданная из моей же магии для охраны территории. Он должен был патрулировать периметр, отпугивая крыс и нерадивых лакеев.

Но Пса не было.

Я нахмурился, сканируя пространство внутренним зрением. Связь с сущностью была, но какая-то слабая, размытая. Словно он прятался. Или... чувствовал вину?

С каких пор магические конструкторы чувствуют вину?

Я сделал шаг вперед, и под сапогом что-то хрустнуло.

Негромкий, сухой звук дерева, ломающегося под тяже-

стью.

Я отступил назад и опустил взгляд.

На темно-красном ворсе ковра, прямо посередине прохода, лежал посторонний предмет. Это было грубое нарушение порядка. В моем крыле не должно быть ничего лишнего. Ни пылинки, ни соринки.

Я наклонился и поднял находку.

Это была деревянная фигурка. Маленькая, вырезанная неумелой рукой, но с любовью. Дракончик. Одно крыло я только что раздавил каблуком, второе торчало в сторону занозистым обрубком.

Я повертел игрушку в пальцах. Грубая липа. Дешевая краска, которая осталась на моей перчатке.

Откуда это здесь?

Я поднес фигурку к лицу и вдохнул.

Запах ударил мне в ноздри резче, чем нашатырь.

Это пахло не магией. Не пылью. Не старым деревом.

Это пахло молоком. Сладким бисквитом. Детским потом.

И липкими, сахарными пальцами.

Ребенок.

В моем замке. В моем личном, закрытом для всех крыле был ребенок.

Мир, который только что начал обретать краски, мгновенно почернел. Спокойствие, которое я так берег эти дни, разлетелось вдребезги, как зеркало, в которое швырнули камень.

Они обманули меня.

Все они. Оливер, который клялся, что в замке только проверенный персонал. И она. Эмилия.

«Служанка».

Теперь пазл сложился. Её просьбы о еде («Магия требует калорий», как же!). Её странное поведение. Её страх в глазах, когда я смотрел на неё чуть дольше положенного.

Она притащила сюда, в мою обитель, в место, где магия убивает всё живое, самое хрупкое и шумное создание на свете.

Ярость вспыхнула в груди холодным, белым пламенем.

Дети. Я ненавижу их. Не потому что они были злыми, а потому что они были живыми. Слишком живыми. Они кричали, бегали, создавали хаос. Они напоминали мне о том, чего я лишился из-за проклятия рода Блэквудов. О том, что мой род прервется на мне, потому что моя магия сожжет любую женщину, и ни один наследник не выживет рядом со мной.

И она посмела принести это напоминание прямо к моему порогу.

— Лгунья! — вырвалось у меня вместе с рыком.

Стены коридора дрогнули. Штукатурка посыпалась с потолка мелкой пылью.

Я сжал деревянную игрушку в кулаке. Дерево треснуло, превращаясь в щепки.

Зверь внутри, который спал, открыл глаза. И он был го-

лоден. Он требовал наказать тех, кто нарушил границы территории.

Я швырнул обломки на пол и потянул носом воздух.

След был свежим. Запах страха и сладостей висел в воздухе невидимой нитью. Он вел прочь из Восточного крыла, к лестнице, вниз, в крыло для прислуги.

Я двинулся по следу.

Я не бежал. Я шел тяжелой, размеренной поступью палача. С каждым шагом моя тень удлинялась, расплзаясь по стенам черными щупальцами. Факелы, мимо которых я проходил, вспыхивали и гасли, не выдерживая давления моей ауры.

Где-то внизу звякнула посуда — кто-то из слуг почувствовал волну моей ярости и выронил поднос.

Плевать.

Я спущусь в их нору. Я найду её. И я вышвырну их обоих за ворота. Нет, я испепелю их взглядом еще до того, как они успеют собрать свои тряпки.

Я спустился по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Запах становился сильнее. К нему примешивался аромат лаванды — тот самый, который еще пять минут назад казался мне спасением, а теперь ощущался как запах предательства.

Коридор прислуги. Узкий, темный.

След вел к самой последней двери в тупике.

Я остановился перед ней. Дерево было старым, рассох-

шимся. Из-под двери тянуло сквозняком.

И еще кое-чем.

Я замер, прислушиваясь к своим ощущениям.

Там, внутри, за этой жалкой преградой, я чувствовал не только пульсацию чужой, маленькой жизни. Я чувствовал своего Стража.

Теневой Пес был там.

Моя собственная магия, мой конструкт, призванный защищать меня, сидел в этой камерке. И он не атаковал. Он... охранял?

Что за чертовщина?

Это невозможно. Страж подчиняется только крови Блэквудов. Он должен был разорвать любого чужака, проникнувшего на территорию без разрешения. Почему он там? Почему он спокоен?

Мысль о том, что этот ребенок — или эта ведьма — могли подчинить мою магию, подлила масла в огонь моего гнева.

Она не просто служанка. Она опасна.

— Открывай! — рявкнул я, но не стал ждать ответа.

Я не собирался стучать. Я не собирался вести переговоры.

Я ударил ногой в район замка.

Удар был усилен магией. Дверь не просто открылась — она взорвалась внутрь, сорвавшись с петель и врезавшись в противоположную стену комнаты. Щепки разлетелись веером, поднимая облако пыли.

Я шагнул в проем, заполняя собой все пространство, поз-

воляя тьме клубиться вокруг моих плеч.

— Где он?!

Комната была крошечной. Чистой. Ненормально чистой для этого гадюшника.

В углу, на узкой кровати, вжимаясь в стену, сидел маленький мальчик. У него были огромные, испуганные глаза цвета меда — точно такие же, как у Эмили. Его лицо было перемазано сахаром и слезами.

А перед ним, загораживая ребенка собой, стоял мой Теневой Пес.

Сущность, сотканная из тьмы и дыма, скалила зубы. На меня. На своего создателя.

Пес глухо зарычал, и шерсть на его загривке встала дыбом. Он защищал щенка от меня.

Мир окончательно перевернулся.

— Убирайся прочь! — приказал я Псу, взмахнув рукой, чтобы развеять конспект.

Но Пес не исчез. Он лишь припал к полу, готовясь к прыжку, и издал звук, похожий на треск разрываемой ткани. Он отказался подчиняться.

Я перевел взгляд на ребенка.

Мальчик дрожал. Он прижимал к груди край одеяла, но смотрел на меня не с ужасом, а с каким-то странным, зачарованным любопытством.

— Дядя... — пискнул он тоненьким голоском. — Не кичи. У тебя головка бо-бо?

Этот невинный вопрос стал последней каплей. Головка бо-бо? У меня сейчас голова взорвется от ярости!

— Вон! — мой голос сорвался на рев, от которого зазвенело стекло в узком окне. — Оба! Сию же минуту! Я сожгу здесь всё!

Воздух в комнате начал нагреваться. Моя магия, потеряв контроль, выплескивалась наружу волнами жара. Одеяло на кровати начало дымиться.

Мальчик закашлялся.

И тут я услышал топот бегущих ног за спиной.

— Нет! — женский крик, полный отчаяния.

В комнату влетела Эмилия. Растрепанная, бледная как смерть, с корзиной в руках. Она увидела меня, увидела дымящееся одеяло и своего сына.

Она не убежала. Она не упала в обморок.

Она отшвырнула корзину и бросилась прямо ко мне. Нет, мимо меня. К ребенку.

Она закрыла его своим телом, повернувшись ко мне спиной, словно её тонкая фигурка могла остановить лавину драконьего огня.

— Не смейте! — закричала она, оборачиваясь через плечо. Её глаза метали молнии. — Только троньте его!

На улице, словно отвечая на мою ярость, грохнул гром. Небо над замком раскололось, и магическая буря, которую я сдерживал три дня, обрушилась на «Черную Скалу» со всей мощью проклятия.

Стены задрожали. Где-то наверху с грохотом рухнула каменная горгулья.

Тьма в моих глазах сгустилась, окрашивая мир в багровые тона. Зверь вырвался на свободу.

— Бегите, — прохрипел я, чувствуя, как человеческая речь становится мне чуждой, как кожа твердеет, превращаясь в чешую. — Бегите... пока я вас не убил.

Глава 8

Воздух в комнате сгустился в горячий, дрожащий кисель. Дышать было нечем — кислород словно выгорел за секунду, уступив место запаху озона и плавящегося камня.

Я стояла спиной к кровати, раскинув руки в стороны, пытаясь собой закрыть Тима от надвигающейся катастрофы. Мое тело было жалким щитом против той мощи, что бушевала в двух шагах от меня. Но я не сдвинулась бы с места, даже если бы на меня рухнул потолок.

Передо мной возвышался Генерал.

Нет, это был не тот уставший мужчина, который вчера вечером просил добавки рагу. И не тот надменный аристократ, что отчитывал меня за пыль.

Это была стихия, облеченная в плоть.

Его рубашка на груди лопнула, не выдержав напора мышц и магии. Кожа, обычно бледная, теперь потемнела, и я с ужасом увидела, как на шее и скулах проступают темные, жесткие чешуйки. Глаза, залитые тьмой, не видели меня. Они видели цель. Врага. Угрозу.

— Не смейте! — мой крик потонул в низком гуле, который издавали стены замка. — Не смейте его трогать! Это просто ребенок!

Валериан сделал шаг вперед. Пол под его сапогом треснул, и от места удара побежала змеящаяся трещина, из которой

вырвался парок.

— Он... — голос Генерала звучал так, словно перемалывали камни. Человеческие интонации исчезли, уступив место звериному рыку. — В моем... доме... Предательство...

Он поднял руку. Пальцы скрючились, превращаясь в когти, окутанные фиолетовым пламенем.

Я зажмурилась, готовясь принять удар.

Rrrr-гав!

Звук был таким неожиданным и громким, что я распахнула глаза.

Между мной и Генералом, материализовавшись прямо из тени, стояло чудовище. Огромный, сотканный из черного дыма пес с горящими красными глазами. Тот самый Теневой Страж, которым пугали слуг.

Но он рычал не на меня.

Он стоял в боевой стойке, оскалив призрачные клыки на своего Хозяина.

Валериан замер. Его рука с когтями застыла в воздухе. В его черных глазах мелькнуло что-то похожее на шок, пробившийся сквозь пелену безумия.

— Ты... — прохрипел он, глядя на свое творение. — Ты смеешь... против меня?

Пес не отступил. Он глухо заворчал, и я почувствовала, как Тим за моей спиной вцепился в мою юбку.

— Бобик хороший, — пискнул сын дрожащим голосом. — Не обижай Бобика!

Это было безумие. Магический конструкт защищал чужого ребенка от своего создателя. Мир сошел с ума.

— Вон! — внезапно рявкнул Валериан.

Его тело выгнулось дугой, словно ломаемое невидимой силой. Он схватился руками за голову, запуская пальцы в волосы.

— Убирайтесь! — заорал он так, что у меня заложило уши. — Оба! Быстро! Я не могу... сдержаться...

Он не атаковал. Он гнал нас. Он пытался спасти нас от самого себя, пока разум окончательно не утонул в драконьей ярости.

Я не стала ждать второго приглашения.

— Тим, на руки! — я развернулась, подхватила сына, который прижимал к груди подушку (игрушку он потерял, и это спасло нам жизнь, но сейчас было не до игрушек).

Пес-Бобик остался стоять, прикрывая наш отход.

Я рванула к двери. Вернее, к тому, что от неё осталось — проем зиял дырой, косяк был вырван с мясом.

Но стоило мне сделать шаг в коридор, как меня отшвырнуло назад порывом ветра такой силы, что я едва устояла на ногах, врезавшись плечом в стену.

Снаружи творился ад.

Узкое окно в коридоре лопнуло, осыпав пол дождем из стекла. В проем врвался не просто ветер. Это была магическая буря. Небо за окном стало цвета свежего синяка — черно-фиолетовым. Молнии били не в землю, они били го-

ризонтально, прямо в стены замка.

— Не выходи! — раздался хриплый крик.

Я опустила взгляд. По полу, прижимаясь к камням, чтобы его не сдуло, полз Оливер. Старик выглядел так, будто побывал в центре урагана — волосы дыбом, одежда порвана.

— Назад! — прокричал он, перекрывая вой ветра. — Защитный контур замка замкнуло! Барьер сошел с ума! Кто выйдет наружу — сгорит за секунду! Мы заперты!

Я застыла в дверном проеме.

Сзади — безумный дракон, готовый испепелить комнату. Спереди — смертельный шторм, который разрывает реальность на куски.

Мы в ловушке.

— Что делать?! — закричала я, прижимая к себе плачущего Тима. — Оливер, есть другой выход?!

— Подвал! — прохрипел старик, пытаясь подняться. — Винный погреб! Там стены толще! Может, пронесет! Бежим, пока он...

Договорить он не успел.

Из комнаты за моей спиной донесся звук, от которого кровь застыла в жилах. Это был не крик человека и не рев зверя. Это был звук рвущейся плоти и ломающихся костей.

Я обернулась.

Валериан упал на колени. Он бил кулаками в пол, и камень крошился под его ударами, как сухая глина. Его спина горбилась, одежда трещала, разлетаясь лоскутами. Из его

плеч прорывались призрачные, сотканые из тьмы крылья.

Он горел.

Не огнем. Тьмой. Черный дым валил от его тела, заполняя комнату удушливой гарью. Теневой Пес, жалобно взвизгнув, растворился в воздухе — его сил не хватило, чтобы выдержать этот напор.

Мебель в комнате начала тлеть. Занавески вспыхнули фиолетовым пламенем.

— Мама... — прошептал Тим мне в ухо. Он перестал плакать. Он смотрел на корчащуюся фигуру широко открытыми глазами. — Дяде больно. Он горит. Помоги ему.

Слова сына ударили меня как пощечина.

«Помоги ему».

Я посмотрела на Оливера. Старик махал мне рукой, зовя к лестнице. Разум кричал: «Беги! Спасай ребенка! Это чудовище сейчас взорвет замок!».

Но сердце...

Сердце предательски кольнуло. Я вспомнила его взгляд в кабинете. Умоляющий. Я вспомнила, как он ел моё рагу, словно это было лучшее блюдо в его жизни.

Он не чудовище. Он проклят. И прямо сейчас его проклятие убивает его, потому что он пытается сдержать его ради нас. Ради того, чтобы не убить нас.

Если я уйду, он погибнет. Он превратится в дикого зверя окончательно, и тогда никто не выживет — ни мы в подвале, ни люди в городе.

Я — его якорь. Я поняла это еще три дня назад. Моя магия — единственное, что может охладить этот ад.

Решение пришло мгновенно. Страшное, безумное решение.

— Оливер! — крикнула я, перекрывая гул пламени.

Я подбежала к старику и буквально впихнула ему в руки Тима.

— Забирай его! Быстро!

— Мама?! — закричал Тим, цепляясь за меня. — Нет! Я с тобой!

— Слушай меня! — я схватила сына за плечи, глядя ему в глаза. — Ты идешь с дедушкой Оливером в подвал. Сидишь тихо. Я скоро приду. Я должна... я должна выключить плитку. Дядя обжегся. Помнишь, как я лечила тебе коленку? Я вылечу дядю и приду.

— Ты сдохнешь! — проорал Оливер, глядя на меня как на умалишенную. — Он же в боевой трансформации! Он тебя не узнает!

— Беги! — рявкнула я, толкая их к лестнице. — Если не уйдете сейчас, мы все умрем! Спаси моего сына, старик, или я достану тебя с того света!

Оливер выругался, перехватил брыкающегося Тима поудобнее и, неожиданно прытко для своего возраста, рванул вниз по лестнице.

— Мама-а-а! — донеслось удаляющееся эхо.

Я закусила губу до крови, чтобы не закричать и не побе-

жать следом.

Всё. Он в безопасности. Насколько это возможно.

Я осталась одна перед дверным проемом, из которого валил черный дым и жар.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как горячий воздух обжигает легкие. Расправила плечи. Закрыла глаза на секунду, собирая все крохи своего резерва, всю свою волю, всю свою любовь к порядку и жизни.

— Ну, держись, Генерал, — прошептала я. — Сейчас мы будем наводить порядок в твоей голове.

Я шагнула внутрь горячей комнаты.

Валериан был в центре огненного вихря. Он уже почти не походил на человека. Его лицо исказилось, чешуя покрывала половину тела, пальцы превратились в смертоносные когти, которые царапали пол, оставляя глубокие борозды.

Он поднял голову.

Его глаза были сплошной чернотой. В них не было ничего человеческого. Только голод Бездны.

Он увидел меня.

— Р-Р-Р-А-А-А! — рев ударил меня в грудь, как физическая волна, пытаясь сбить с ног.

Но я не упала.

Я выставила руки перед собой, ладонями вперед.

— Тихо! — крикнула я своим командным голосом, которым отчитывала Тима за шалости. — Прекратить истерику!

Я пошла на него. Сквозь жар. Сквозь страх. Сквозь пони-

мание того, что один удар его лапы разорвет меня пополам.

Я шла, потому что я была единственной, кто мог сказать этому дракону «нет».

Глава 9

Жар был таким, что ресницы начали плавиться и слипаться. Воздух в комнате больше не был воздухом — это была раскаленная субстанция, смесь магии, пепла и чистого, дистиллированного безумия.

Я осталась одна. За моей спиной зиял черный провал дверного проема, куда убежали Оливер и Тим. Передо мной бушевал ад.

Генерал Валериан Блэквуд перестал быть человеком.

Он стоял на коленях в центре комнаты, упираясь кулаками в пол, который шел трещинами, как весенний лед. Его спина выгнулась неестественной дугой, позвоночник бугрился под остатками разорванной рубашки. Из лопаток, разрывая ткань и кожу, пробивались призрачные, сотканые из черного дыма и фиолетовых молний крылья.

Он рычал. Это был звук, от которого вибрировали зубы. Звук тектонического сдвига.

— Уходи... — прохрипел он, не поднимая головы. Голос звучал так, словно в его горле перекачивались раскаленные камни. — Сгоришь...

Он все еще пытался меня спасти. Даже сейчас, когда Зверь пожирал его разум, где-то там, на дне этого огненного океана, оставался человек, который не хотел быть убийцей.

Это придало мне сил.

Я сделала шаг вперед. Подошвы туфель мгновенно нагрелись. Ковер под ногами уже не тлел — он рассыпался серым прахом.

— Нет, — твердо сказала я. — Никто сегодня не сгорит. Валериан вскинул голову.

Я едва не отшатнулась. Его лицо было маской из кошмара. Челюсть удлинилась, скулы заострились, кожа покрылась мелкой, антрацитово-черной чешуей. Но страшнее всего были глаза. Сплошная тьма, в которой плавали два вертикальных зрачка, полных боли и ярости.

Он увидел меня. И Зверь решил, что перед ним враг.
— Р-Р-Р-А-А!

Волна сырой магии ударила мне в грудь, пытаясь сбить с ног, впечатать в стену, вышвырнуть из комнаты. Это было похоже на удар штормового ветра.

Я устояла. Я вцепилась пальцами в дверной косяк, сдирая ногти, но не отступила.

Я — бытовой маг. Нас учат не боевым заклинаниям. Нас не учат метать фаерболы или ставить щиты, способные выдержать осаду. Нас учат другому.

Мы умеем наводить порядок.

Для меня то, что происходило сейчас в комнате, не было битвой с монстром. Это был Хаос. Грязный, неправильный, разнузданный Хаос, который нарушал структуру мироздания. И я, как хорошая хозяйка, обязана была прибраться.

Я отпустила косяк и шагнула в центр бури.

— Тихо! — мой голос, усиленный магией, хлестнул как кнут. — Прекратить истерику!

Валериан замер на секунду, ошарашенный такой наглостью. Тьма вокруг него завихрилась, собираясь для нового удара.

— Ты рушишь свой дом! — крикнула я, перекрывая вой ветра, врывающегося через разбитое окно. — Ты пугаешь моего сына! Ты ведешь себя не как Генерал, а как капризный ребенок!

Я подходила все ближе. Жар обжигал кожу, волосы трещали от статики. Платье липло к телу.

Он замахнулся. Когтистая лапа, окутанная тенью, рассекала воздух в сантиметре от моего лица.

Я не моргнула. Я видела, что он промахнулся специально. Зверь хотел убить, а Валериан отводил удар в последнюю секунду.

Я упала на колени прямо перед ним, на горячие обломки паркета.

— Посмотри на меня, — приказала я.

Я протянула руки. Мои ладони, привыкшие к мылу и воде, сейчас светились мягким золотистым светом. Это был не боевой свет паладинов. Это был теплый свет кухонной лампы, свет очага, свет, который говорит: «Ты дома. Всё хорошо».

Я положила ладони ему на лицо. Прямо на горячую, чешуйчатую кожу.

— Siste, — шепнула я формулу. — Остановись.

Боль пронзила руки. Словно я коснулась раскаленного утюга. Запахло паленой кожей. Я закусила губу до крови, чтобы не отдернуть руки.

Если я уберу их сейчас — мы оба погибнем.

Я вливала в него всё, что у меня было. Весь свой резерв. Всю свою любовь к порядку. Всю свою жалость к этому одинокому, изломанному мужчине.

— Возвращайся, — шептала я, глядя в черные провалы его глаз. — Здесь нечего бояться. Я здесь. Я держу тебя.

Его тело под моими руками сотрясала крупная дрожь. Мышцы были твердыми, как камень. Он сопротивлялся. Тьма не хотела уходить, она цеплялась за него когтями, она рычала мне в лицо, пытаясь испугать.

Но я была упрямее.

— Рах, — выдохнула я. — Мир.

Золотой свет с моих рук потек по его лицу, впитываясь в кожу. Там, где свет касался тьмы, чешуя шипела и растворялась. Чернота отступала, как грязь под хорошей щеткой.

Валериан дернулся, из его груди вырвался хриплый стон. Призрачные крылья за его спиной дрогнули и рассыпались пеплом.

— Эми... лия... — прохрипел он. Это был голос человека. Измученного, умирающего, но человека.

— Я здесь, — я провела большими пальцами по его скулам, стирая следы трансформации. — Дыши. Просто дыши.

Он рухнул на меня всей своей тяжестью.

Я не удержала равновесия и повалилась на спину, больно ударившись затылком об пол. Валериан упал сверху, придавив меня к земле. Его голова уткнулась мне в плечо.

Он был тяжелым, как могильная плита. Горячим, как печь. Но он больше не вибрировал от магии.

Тишина упала на комнату внезапно, словно кто-то опустил рубильник.

За окном стих вой ветра. Фиолетовые всполохи молний погасли. Буря, которая питалась его яростью, умерла вместе с ней.

Осталось только наше тяжелое, рваное дыхание в унисон.

Я лежала, глядя в потолок, на котором плясали тени от тлеющей мебели. Мои руки, обожженные и саднящие, все еще лежали на его спине, инстинктивно поглаживая порванную ткань рубашки.

Мы были живы. Замок устоял.

Валериан не шевелился. Я испугалась, что он умер, что его сердце не выдержало нагрузки. Но потом почувствовала, как бьется жилка у него на виске — быстро, неровно, но сильно.

Он просто был без сознания. Или в глубоком магическом истощении.

Я попыталась выбраться из-под него, но он был слишком тяжелым. А сил, чтобы спихнуть такую гору мышц, у меня не осталось.

— Отличная работа, Эмилия, — прошептала я сама себе, чувствуя, как по щеке катится слеза облегчения. — Ты только что использовала Генерала Империи как одеяло.

Прошло, наверное, минут десять. Мои ноги начали затекать.

Вдруг Валериан пошевелился. Он сделал глубокий вдох, втягивая носом воздух у моей шеи. Его тело напряглось.

Он медленно, опираясь на локти, приподнялся.

Его лицо было в дюйме от моего.

Тьма из глаз ушла. Они снова были темно-синими, с нормальными, человеческими зрачками. Но в них не было ни грамма благодарности. В них было холодное, жесткое осознание.

Он смотрел на меня, потом перевел взгляд на мои руки, покрытые красными пятнами ожогов. Потом оглядел разгромленную комнату. Разбитое окно, сломанную дверь, кучу щепок, бывшую когда-то стулом.

Память возвращалась к нему. Я видела это по тому, как сжались его челюсти.

Он вспомнил всё. Игрушку. След. Ребенка.

Валериан резко отстранился и сел, поджав одну ногу. Я тут же села тоже, отползая к стене и подтягивая колени к груди. Платье на мне было порвано, чепец давно слетел.

— Где он? — спросил Генерал. Голос был хриплым, слабым, но в нем лязгнул металл.

Мне не нужно было спрашивать, о ком он.

— В безопасности, — тихо ответила я, глядя ему прямо в глаза. Я больше не боялась. Самое страшное уже случилось.

— Оливер? — догадался он.

Я кивнула.

Валериан провел рукой по лицу, стирая копоть и пот. Его пальцы дрожали.

— Ты должна была бежать, — произнес он, глядя в стену. — Я дал вам шанс. Я пытался вас выгнать до того, как... началось.

— На улице была буря, — возразила я. — Ваш барьер замкнуло. Выйти означало умереть.

Он горько усмехнулся.

— А остаться означало умереть от моих рук. Прекрасный выбор. Между молотом и наковальней.

Он повернул голову ко мне. Его взгляд стал острым, сканирующим.

— Почему ты не сгорела? Моя магия в фазе срыва растворяет плоть обычных людей. Ты должна была превратиться в пепел, когда коснулась меня.

Я посмотрела на свои ладони. Они болели, кожа покраснела и вздулась пузырями, но была целой.

— Я бытовой маг, милорд. Мы устойчивы к... беспорядку. А ваша магия — это просто очень много беспорядка.

— Не лги мне, — он подался вперед, и я снова почувствовала угрозу. — Бытовики чистят ковры. Они не останавливают дракона в боевой трансформации голыми руками. Ты

влила в меня столько силы, что её хватило бы на освещение столицы. Кто ты такая, Эмилия?

— Я мать, — просто ответила я. — Мать, которая защищала своего ребенка. Это сильнее любой магии.

Валериан смотрел на меня долго. В его глазах боролись два чувства: ярость от того, что его обманули, и странное, пугающее уважение.

Потом он перевел взгляд на пустую кровать, где еще недавно прятался Тим.

— Ребенок, — выплюнул он это слово как ругательство. — Ты притащила ребенка в мой дом. Ты знала правила. Ты знала, что я опасен.

— У меня не было выбора! — выкрикнула я, чувствуя, как внутри закипает обида. — Вы думаете, я мечтала жить в этом склепе? За мной гнались! Моего сына хотели забрать! Я пришла сюда не от хорошей жизни, а потому что ваш замок — единственное место, где магия фонит так, что нас не могут найти ищейки!

Я зажала рот рукой, поняв, что сказала лишнее.

Валериан прищурился.

— Ищейки? Кто вас ищет?

— Это неважно, — я опустила глаза. — Теперь уже неважно. Вы выгоните нас. Я понимаю. Просто... прошу, дайте нам уйти, когда буря стихнет. Не убивайте нас.

Генерал молчал. Он встал, морщась от боли в мышцах. Его фигура снова возвышалась надо мной, огромная и по-

давяющая. Рубашка висела лохмотьями, обнажая торс.

Он подошел к разбитому окну. Ветер трепал его черные волосы.

— Мой Пес, — сказал он, не оборачиваясь. — Мой Теневой Страж защищал твоего щенка. От меня.

— Бобик хороший, — машинально повторила я слова Тима.

Плечи Валериана дрогнули. То ли от смеха, то ли от бешенства.

— Бобик... — повторил он. — Вы назвали порождение тьмы и древней магии Бобиком. И он подчинился.

Он резко развернулся.

— Вставай.

Я медленно поднялась, опираясь о стену. Ноги дрожали.

Валериан подошел ко мне вплотную. Он взял меня за запястье. Не больно, но крепко. Я дернулась, но он не отпустил. Он поднял мою руку, разглядывая обожженную ладонь.

— Ты спасла мне жизнь, — произнес он холодно. — И ты спасла замок. Если бы я взорвался здесь, от «Черной Скалы» осталась бы воронка.

— Не нужно благодарности, — прошептала я. — Просто отпустите нас.

— Отпустить? — он усмехнулся, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего. — О нет, Эмилия. Теперь я тебя никуда не отпущу.

Я похолодела.

— Вы... вы посадите нас в темницу?

— Ты идиотка? — он посмотрел на меня с раздражением.

— Ты — единственное существо в этом мире, которое может меня касаться во время приступа и не умирать. Ты — мой якорь. Ты — моя гарантия того, что я не превращусь в безмозглого ящера завтра же.

Он отпустил мою руку и скрестил руки на груди.

— Я не могу тебя выгнать. Ты мне нужна. Но и терпеть ребенка я не намерен. Дети — это шум. Это грязь. Это хаос.

— Тим тихий! — возразила я. — Он три дня сидел в этой комнате, и вы даже не знали!

— Я узнал! — рявкнул он. — И чуть не убил его! Ты понимаешь, чем ты рискуешь? Следующего раза может не быть. Я могу не успеть остановиться. Моя магия реагирует на него как на чужеродный элемент!

— Тогда зачем вы нас оставляете? — я ничего не понимала.

Валериан подошел к двери, пнул обломок косяка.

— Потому что без тебя я сдохну, — бросил он жестко. — А я не хочу подыхать.

Он обернулся ко мне.

— Мы заключим сделку, Эмилия. Ты остаешься. Твой... приплод остается. Но у меня будут условия. Жесткие условия. И если ты нарушишь хоть одно — я лично сдам тебя тем, кто тебя ищет. Кем бы они ни были.

Я сглотнула. Это был шантаж. Но это был шанс.

— Какие условия?

— Не здесь, — он брезгливо оглядел разгромленную комнату. — Приведи себя в порядок. Найди Оливера. Пусть устроит парня в безопасном месте. А потом приходи в мой кабинет. И молись, чтобы у меня снова не начала болеть голова.

Он вышел в коридор, перешагивая через обломки двери. Его спина была прямой, как палка, но я видела, что он едва держится на ногах.

Я осталась одна среди руин своей маленькой жизни.

За окном пробивался первый луч солнца. Буря закончилась. Но настоящая буря только начиналась.

Я жива. Тим жив. И Дракон у нас на крючке так же прочно, как и мы у него.

Я посмотрела на свои обожженные руки. Боль возвращалась, но это была хорошая боль. Боль жизни.

— Ладно, Бобик, — прошептала я в пустоту. — Похоже, мы задержимся в этой конуре еще ненадолго.

Я отряхнула юбку и пошла искать сына. Мне предстояло объяснить ему, почему дядя Дракон сломал нашу дверь, и почему мы все еще здесь гостим.

Глава 10

Винтовая лестница в подвал пахла сырой землей, скисшим вином и крысиным пометом. Но для меня сейчас этот запах был слаще любых французских духов — это был запах жизни.

Я спускалась медленно, держась за холодную каменную кладку. Ноги, переставшие дрожать наверху, теперь налились свинцом. Адреналин отступал, оставляя после себя опустошение и тупую, ноющую боль в обожженных ладонях.

Внизу, в тусклом свете единственного масляного фонаря, сидели две фигуры. Оливер, сгорбившийся на бочке, и Тим, прижавшийся к нему так, словно старый управляющий был его последней надеждой.

Услышав шаги, Оливер вскинул голову. В его единственном глазу мелькнул ужас. Он, верно, ждал, что с лестницы спустится обугленный труп или сам Дракон.

Я шагнула в круг света.

— Мама!

Тим сорвался с места пулей. Он врезался в меня, обхватив руками мои колени, и уткнулся лицом в подол моего порванного, перепачканного сажей платья.

— Мама, ты вернулась! — он всхлипывал, и его слезы прожигали ткань, добираясь до кожи. — Там было так громко... Дядя кричал...

Я опустила на корточки, шипя от боли в коленях, и прижала сына к себе. Зарылась носом в его волосы, пахнущие пылью и детским страхом. Живой. Целый. Мой.

— Тише, маленький, тише, — шептала я, раскачиваясь из стороны в сторону. — Все закончилось. Буря прошла. Дядя... дядя просто заболел. Но теперь ему лучше.

Оливер медленно поднялся с бочки. Он смотрел на меня так, словно видел призрака. Его взгляд скользнул по моим рукам, покрытым красными волдырями, по опаленным волосам, по лохмотьям одежды.

— Ты... — прокаркал он, и голос его сорвался. — Ты жива.

— Как видите, — я подняла на него усталый взгляд. — Я же обещала, что вернусь.

— Это невозможно, — старик покачал головой. — Я видел его в третьей стадии трансформации. Он должен был разнести комнату в щепки. Он должен был убить все живое в радиусе десяти метров. Как ты его остановила?

— Вежливо попросила, — я криво усмехнулась. Сил объяснять механику моей магии не было. — Оливер, мне нужна вода, бинты и чистая одежда. А потом... потом мне нужно к нему.

Старик вздрогнул.

— К нему? Ты хочешь вернуться туда? Сейчас?

— Он ждет. Мы должны обсудить условия нашей... капитуляции. Или сотрудничества. Это как посмотреть.

Через час я стояла перед высокими дубовыми дверями кабинета Генерала.

Я успела смыть с себя гарь, перевязать руки и надеть запасное платье — простое, серое, на размер больше, чем нужно, но зато целое. Тим остался на кухне под присмотром притихшей и совершенно трезвой Марты, которая, узнав о ночных событиях, смотрела на меня как на святую мученицу.

Я подняла забинтованную руку и постучала.

— Войди.

Голос был спокойным. Ледяным. Властным. В нем не осталось ни следа того звериного рыка, от которого вчера тряслись стены.

Я толкнула дверь.

Кабинет выглядел так, словно никакой бури не было. Мебель стояла на местах, бумаги были сложены в аккуратные стопки. Только запах выдавал правду — слабый, едва уловимый аромат озона и гари, который не мог выветрить даже сквозняк из открытого окна.

Генерал Валериан Блэквуд сидел за столом.

Он был в свежем, идеально отглаженном черном мундире с серебряной вышивкой. Волосы, еще вчера мокрые от пота, теперь лежали волосок к волоску. Он писал что-то, быстроводя пером по пергаменту.

Увидев меня, он отложил перо.

— Закрой дверь, Эмилия.

Я выполнила приказ и осталась стоять у порога, сцепив руки в замок. Сердце предательски екнуло. Сейчас он выглядит не как монстр, а как холодный, расчетливый политик. И я не знала, какая из его ипостасей опаснее.

Валериан откинулся на спинку кресла. Его взгляд — темно-синий, пронизательный — прошелся по мне, задержавшись на бинтах.

— Как руки? — спросил он без тени сочувствия, просто констатируя факт.

— Заживут, милорд. Бытовая магия лечит мелкие травмы быстро.

— Это не мелкая травма. Ты коснулась чистой драконьей плазмы. Любой другой на твоём месте остался бы без рук.

— Я не любой другой.

Он усмехнулся уголком губ.

— Верно. Ты — аномалия. И именно поэтому ты все еще здесь, а не кормишь волков в лесу.

Он встал и подошел к окну, заложив руки за спину. Его силуэт четко выделялся на фоне утреннего неба.

— Давай перейдем к делу, Эмилия. Вчерашняя ночь показала две вещи. Первое: я не могу контролировать проклятие в одиночку. Второе: ты — единственный стабилизатор, который работает.

Я молчала, ожидая продолжения.

— Я навел справки, — продолжил он, не оборачиваясь. — О тебе ничего нет в городских записях. Ты появилась из

ниоткуда четыре дня назад. С ребенком, которого прячешь, как краденое золото. Я мог бы сдать тебя дознавателям Империи прямо сейчас. Беглые маги с незарегистрированными детьми — их любимая добыча.

У меня похолодело внутри. Он знал, куда давить.

— Но я этого не сделаю, — Валериан повернулся ко мне. — Потому что ты нужна мне. Я предлагаю сделку.

— Я слушаю.

— Ты переезжаешь. Твоя конура в крыле для прислуги больше непригодна для жилья, да и бегать через весь замок во время приступа — непозволительная трата времени. Я выделяю тебе покои в Восточном крыле.

Я моргнула. Восточное крыло — это личная территория Генерала. Слуги там не живут. Там живут только... гости. Или фаворитки.

— Это... необычно, милорд.

— Это необходимость. Ты будешь жить в гостевой спальне, смежной с моей библиотекой. Твоя обязанность — быть рядом по первому зову. Днем, ночью, во время завтрака, во время военных советов. Если я чувствую, что тьма подступает — ты должна быть на расстоянии вытянутой руки.

— А мой сын? — тихо спросила я. Это был главный пункт. Лицо Генерала отвердело.

— Твой сын переезжает с тобой. Но у меня есть условие. Жесткое.

Он подошел ко мне вплотную. Его тень накрыла меня.

— Я не хочу его видеть. Я не хочу его слышать. Восточное крыло большое. Пусть сидит в твоих комнатах, пусть гуляет во внутреннем саду, когда меня там нет. Но если он снова попадется мне на глаза, если он снова спровоцирует Зверя...

Он наклонился, и его голос упал до шепота:

— Я не смогу остановиться во второй раз, Эмилия. Вчера мне повезло. Тебе повезло. Но удача — ресурс исчерпаемый. Ты поняла меня?

— Да, — выдохнула я. — Он будет тише воды.

— Хорошо. Жалование удваивается. Оливер обеспечит вас едой и одеждой. Ты официально назначаешься моей... — он запнулся, подбирая слово. — Личной помощницей по хозяйству. Это объяснит твоё присутствие в моем крыле для остальных.

— Договорились.

Валериан протянул руку. Я помедлила секунду, потом вложила свою забинтованную ладонь в его широкую ладонь. Его пальцы были горячими, сухими и сильными.

Это не было рукопожатие. Это была печать.

— Добро пожаловать в золотую клетку, мышка, — произнес он, не разжимая пальцев. — Не пытайся сбежать. Я найду тебя даже в преисподней. Потому что теперь твоя жизнь принадлежит мне.

Он отпустил мою руку.

— Оливер ждет за дверью. Он покажет комнаты. Вещи перенесете сами. Свободна.

Переезд занял от силы полчаса. Вещей у нас было немного — пара платьев, сменное белье Тима, моя книга и остатки еды.

Оливер шел впереди, пыхтя и опираясь на трость. Он нес корзину с нашими пожитками и то и дело качал головой, бормоча под нос:

— В Восточное крыло... С ума сойти... Служанку — в господские покои... Мир перевернулся...

Мы прошли через массивные дубовые двери, отделяющие жилую часть замка от служебной. Воздух здесь сразу изменился. Он стал суше, чище и... опаснее. Здесь пахло магией Генерала.

Коридоры были широкими, устланными красными коврами. На стенах висели портреты суровых мужчин в доспехах — предков Блэквуда. Тим, который шел рядом, держа меня за руку, вертел головой во все стороны, забыв про страх.

— Мама, тут красиво! — шепнул он. — Как во дворце!

— Почти, — отозвалась я. — Только в этом дворце нельзя шуметь. Помнишь наш договор?

Тим серьезно кивнул и приложил палец к губам.

Оливер остановился у высокой двери с бронзовой ручкой.

— Пришли, — буркнул он, доставая связку ключей. — Это бывшие покои леди Арабеллы, матери Генерала. Они пустуют уже двадцать лет.

Он повернул ключ, замок мягко щелкнул.

Дверь распахнулась, и я ахнула.

Это была не комната. Это был зал. Огромные окна в пол, занавешенные тяжелым бархатом изумрудного цвета. Камин из белого мрамора. Кровать под балдахином, на которой могла бы разместиться небольшая армия. Ковры, в которых утопали ноги. Мебель из красного дерева.

Всё это было покрыто слоем пыли, но величие места пробивалось даже сквозь запустение.

— Это... нам? — спросила я, не веря своим глазам. После нашей каморки с соломенным тюфяком это казалось сном.

— Вам, вам, — проворчал Оливер, ставя корзину на пол. — Только не привыкай. Сегодня ты здесь, а завтра... кто знает. Генерал переменчив, как погода в горах.

Тим отпустил мою руку и с разбегу прыгнул на кровать. Пыль взметнулась облаком, но он не обратил внимания. Он начал прыгать, смеясь от восторга.

— Король горы! Я король горы!

— Тим! — шикнула я, оглядываясь на дверь. — Тише!

— Пусть скачет, — махнул рукой Оливер. — Стены тут толстые, магия глушит звуки. Хозяин в своем кабинете, это через две комнаты отсюда. Не услышит.

Он потоптался на пороге, глядя на меня с неожиданной теплотой.

— Ты это... осторожнее, Эмилия. Он дал тебе лучшие комнаты, да. Но ты теперь у него под боком. Если начнется приступ — ты первая примешь удар.

— Я знаю, Оливер.

— Ну, бывай. Ужин принесу сюда. На кухню тебе теперь бегать не по чину.

Старик вышел, закрыв за собой дверь.

Я осталась стоять посреди роскошной, пыльной комнаты. Золотая клетка, как и сказал Генерал.

Я подошла к окну и отдернула штору. Стекло было мутным, но сквозь него виднелся заросший сад Восточного крыла. Дикие розы, переплетенные с плющом, старые статуи, фонтан, который давно пересох.

Здесь было красиво. И здесь было одиноко.

Я посмотрела на Тима, который уже строил новую крепость из бархатных подушек.

— Ну что, малыш, — сказала я, закатывая рукава и чувствуя привычный зуд магии в кончиках пальцев. — Похоже, у нас снова большая уборка.

Я щелкнула пальцами. Искра «Чистоты» сорвалась с ногтя, и пыль на каминной полке испуганно растворилась.

Мы выжили. Мы получили крышу над головой, еду и безопасность. И если ценой за это была моя свобода и необходимость каждый день умирять дракона — что ж, я готова платить.

Потому что впервые за три года бегов я распаковывала вещи не для того, чтобы убежать утром, а для того, чтобы остаться.

Глава 11

Просыпаться на перине — это опасная роскошь. Она затягивает, как болото, обещая, что мир безопасен, мягок и пахнет лавандой.

Первые несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь ощущением невесомости. Спина, ноющая после ночи на полу в разрушенной каморке, теперь блаженно расслабилась. Никаких сквозняков. Никакого запаха плесени. Только тихий треск дров в камине и солнечный луч, щеко-кочущий веки.

А потом память услужливо подбросила картинки вчерашнего дня.

Огненный шторм. Когти. Мои руки на горячей чешуе дракона. И сделка.

Я резко села в постели.

Комната была огромной и чужой. Бархатные портьеры, высокие потолки с лепниной, ковер, в котором утопали ноги. Золотая клетка, в которую я добровольно вошла.

Рядом завозился Тим. Он спал, раскинув руки звездочкой, и во сне улыбался. Для него переезд стал приключением, а не тюремным заключением.

В дверь деликатно постучали.

Я накинула халат, который нашла вчера в шкафу (видимо, оставшийся от прежних хозяев или гостей), и подошла

к двери.

— Кто?

— Завтрак, госпожа Эмилия, — голос Оливера звучал непривычно почтительно. Раньше он будил меня пинком в дверь и криком «Вставай, ленивая девка!».

Я открыла замок.

Оливер вкатил в комнату сервировочный столик на колесиках. Серебряные крышки, запотевший графин с соком, вазочка с фруктами.

— Генерал уже ушел? — спросил я шепотом, чтобы не разбудить сына.

— Хозяин на тренировочном плацу, — доложил старик, расставляя тарелки на круглом столике у окна. — Выпускает пар. После... вчерашнего... ему нужно размяться.

Оливер покосился на меня своим единственным глазом.

— Как руки?

Я посмотрела на свои ладони. Кожа была розовой и тонкой, как пергамент, но волдыри сошли. Моя магия за ночь затянула самые страшные ожоги.

— Жить буду. Что в меню?

— Блинчики с творогом и ягодным взваром. Для мальчика — каша с медом. И вот... — он положил на край стола сложенный лист плотной бумаги. — Список распоряжений от Генерала.

Я развернула лист. Почерк у Блэквуда был резким, острым, буквы словно рубили бумагу.

«1. Обед в 14:00. Никаких экспериментов, только мясо.

2. Привести в порядок смежные помещения (Библиотека, Оранжерея).

3. Не попадаться мне на глаза до обеда.

4. Ребенок не должен покидать комнату».

Четвертый пункт был подчеркнут жирной чертой.

— Поняла, — кивнула я. — Спасибо, Оливер.

Когда старик ушел, проснулся Тим. Увидев блинчики, он издал вопль восторга, который мне пришлось гасить подушкой.

— Тише! — шикнула я на него, но сама не могла сдержать улыбку. — Мы играем в молчаливых королей, помнишь?

Мы завтракали как настоящие аристократы. Тим болтал ногами, сидя на высоком стуле, и перемазался медом по самые уши. Я пила кофе — настоящий, крепкий, а не ту бурду из цикория, что давали слугам, — и чувствовала, как силы возвращаются.

— Мам, а можно в сад? — спросил Тим, доедая третий блинчик. — Там за окном ветки стучат. Я хочу посмотреть.

— Нельзя, малыш.

Лицо сына вытянулось.

— Но здесь ску-у-учно... Игрушек нет. Дракошу я потерял...

Сердце кольнуло. Дракоша стал причиной катастрофы, но Тим этого не знал.

— У меня есть идея получше, — я достала из ящика комода (вчера, во время уборки, нашла там старые гроссбухи) стопку плотной бумаги и уголек, который вытащила из холодного камина. — Ты будешь художником. Нарисуй мне... защитника. Того, кто будет охранять нашу новую комнату от злых духов.

Глаза Тима загорелись.

— Большого?

— Огромного. И страшного.

Оставив сына пыхтеть над бумагой, я переоделась в свое рабочее платье (теперь оно было чистым и отглаженным) и вышла в коридор.

Начиналась моя новая служба. Не просто служанки, а Хранительницы покоя самого опасного человека в Империи.

Восточное крыло было странным местом. Оно напоминало заснувшее королевство. Здесь было чисто (насколько это возможно в замке без штата прислуги), но мертво. Вещи стояли на своих местах, но ими никто не пользовался.

Я прошла мимо массивных дверей библиотеки и остановилась перед высокими стеклянными створками в конце коридора.

Оранжерея.

Сквозь мутное стекло пробивался серый свет. Я толкнула

двери. Они жалобно скрипнули, осыпав меня сухой ржавчиной.

Внутри пахло пылью и сухой землей.

Это был склеп. Когда-то здесь, наверное, цвели сады, но теперь огромные кадки были полны черной, окаменевшей земли. Лианы, оплетавшие стены, напоминали сухие скелеты змей. Фонтан в центре, выполненный в виде плачущей девы, был забит мусором.

Блэквуд сказал правду. Его магия убивала всё живое. Растения, чувствительные к эфирным потокам, просто не могли выжить рядом с источником такой нестабильной силы.

Я провела пальцем по перилам мостика. Слой пыли в палец толщиной.

— Ну что ж, — сказала я тишине. — Вызов принят.

Я не была садовником. Я была бытовым магом. Для меня увядший цветок был не трагедией, а беспорядком в системе «Жизнь». А беспорядок нужно устранять.

Я начала с уборки.

Окна. Первым делом нужно впустить свет.

Я взмахнула рукой, отправляя импульс «Чистоты» на стеклянный купол. Грязь и птичий помет, копившиеся годами, неохотно сползли вниз. Солнечный свет, яркий и безжалостный, ворвался в помещение, высвечивая каждую пылинку.

Стало светлее, но от этого картина запустения стала только печальнее.

Я подошла к ближайшей кадке. В ней торчал сухой, корявый куст, похожий на скрюченную руку ведьмы.

Жалко.

Я положила ладонь на шершавый ствол. Дерево было мертвым. Или нет? Где-то глубоко, в самых корнях, теплилась искра. Слабая, почти угасшая, задавленная тяжелой, давящей аурой Генерала.

— Ты просто спишь, — прошептала я. — Просыпайся. Хозяин больше не злится.

Я закрыла глаза и представила воду. Не ту, что льется из лейки, а живую влагу, которая бежит по капиллярам. Я представила зеленый цвет. Сочный, яркий.

Магия потекла из меня тонким ручейком. Это было легко. После вчерашнего шторма, когда я удерживала цунами, работа с маленьким кустом казалась отдыхом.

Я почувствовала отклик. Дерево вздрогнуло под моей рукой. Сухая кора треснула, и из-под неё показалась живая, зеленая ткань.

— Viro, — выдохнула я. — Зеленой.

На кончике сухой ветки набухла почка. Она росла на глазах, наливаясь силой. Лопнула, разворачивая первый, нежно-салатовый листок. А следом за ним — крошечный белый бутон.

Я улыбнулась. Получилось. В царстве смерти появилась жизнь.

Я так увлеклась, что начала напевать какую-то глупую пе-

сенку про луга и коров, которую пела Тиму в колыбели. Я переходила от кадки к кадке, касаясь земли, стирая пыль с листьев, вычищая мусор из фонтана.

Воздух в оранжерее менялся. Он становился влажным, свежим. Запахло мокрой землей и зеленью.

— Я думал, здесь всё мертво.

Голос прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнула и выронила тряпку.

Генерал стоял в дверях.

Я не слышала, как он подошел. Он двигался абсолютно бесшумно, как и полагается хищнику высшего порядка.

На нем была простая тренировочная рубашка, пропитанная потом и прилипшая к телу, и свободные штаны. В руках он держал полотенце. Волосы были растрепаны, на скуле наливался свежий синяк — видимо, тренировка была жесткой.

Он смотрел не на меня. Он смотрел на белый цветок, который одиноко сиял на фоне сухих веток.

— Милорд, — я присела в книксене, чувствуя, как краснею. Он слышал, как я пела про корову? — Я не хотела вас беспокоить.

Валериан медленно вошел в оранжерею. Он шел осторожно, словно боялся, что пол провалится под ним. Или что его присутствие снова всё уничтожит.

Он остановился перед ожившим кустом.

— Пять лет, — произнес он глухо. — Пять лет здесь не росло даже сорняков. Моя магия — это яд для всего живого,

Эмилия. Она выжигает корни.

— Не яд, — возразила я, осмелев. — Просто... слишком много огня. Цветам нужна вода и прохлада. Я просто сбалансировала фон.

Он протянул руку к цветку, но не коснулся его. Его пальцы замерли в сантиметре от лепестков. Я видела, как дрогнула его рука. Он боялся. Боялся, что одно его прикосновение превратит это маленькое чудо в пепел.

— Удивительно, — пробормотал он. — Ты умудряешься создавать жизнь там, где я сею только разрушение.

Он повернулся ко мне. Его взгляд был темным, нечитаемым. Но в нем не было вчерашней боли. Головная боль, которая мучила его месяцами, отступила. Я чувствовала это — его аура была ровной, плотной, без острых шипов.

— Вы не сеете разрушение, милорд, — тихо сказала я. — Вы просто защищаете. А защита иногда требует... жесткости. Он хмыкнул.

— Красивые слова. Ты пытаешься оправдать монстра, чтобы тебе было не так страшно жить в его логове?

— Я пытаюсь делать свою работу. Вы просили порядок. Я навожу порядок.

Валериан шагнул ко мне. В оранжерее стало тесно. Его запах — мускус, пот и магия — перебил запах земли.

— Продолжай, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Делай то, что делаешь. Оживляй мои цветы. Вари мне суп. Стели мне постель. Если это цена за то, чтобы мой Зверь

спал — я готов терпеть твои песни про коров.

Я вспыхнула как маков цвет.

— Вы слышали...

— У меня драконий слух, мышка. Я слышу, как мыши скребутся в подвале. И я слышу, как ты фальшивишь на верхних нотах.

В его голосе проскользнула тень насмешки. Не злой. Скорее... усталой, но человеческой.

— Я постараюсь петь тише, — буркнула я.

— Не надо, — он развернулся и пошел к выходу. — Пой. В этом замке слишком давно никто не пел.

У дверей он остановился.

— Обед через час. Я голоден как волк. Не разочаруй меня.

Он вышел.

Я прислонилась спиной к стеклянной стене оранжереи и выдохнула. Колени дрожали.

Каждый разговор с ним был как хождение по канату. Один неверный шаг — и пропасть. Но сегодня канат стал чуть-чуть шире. Он не убил цветок. Он позволил ему жить.

Я вернулась в комнату через полчаса, закончив с уборкой в оранжерее.

Тим сидел на полу, окруженный листами бумаги. Он был перемазан углем с ног до головы — нос черный, руки черные, даже на лбу красовался боевой раскрас.

— Мама! Смотри! — он вскочил, размахивая листом бу-

маги. — Я нарисовал!

Я взяла рисунок.

Это было... экспрессивно.

В центре листа красовалась огромная, жирная черная клякса. У кляксы были длинные палки-ноги, палки-руки с когтями-крючками и огромная красная пасть (Тим нашел где-то кусочек красного мелка или, что вероятнее, использовал ягодный сок с завтрака). Зубов у кляксы было штук пятьдесят, и они торчали во все стороны.

— Впечатляет, — честно сказала я. — Это кто? Бобик?

— Нет! — обиделся сын. — Бобик добрый. А это — Дядя Дракон! Видишь, какой он зубастый?

Я посмотрела на портрет Генерала. Сходство было, скажем так, метафорическим. Но энергетика была передана верно. Хаос и зубы.

— И зачем нам такой страшный дядя? — спросила я, вытирая ему нос платком.

— Чтобы пугать плохих, — серьезно ответил Тим. — Он будет висеть на двери и рычать на всех, кто захочет нас обидеть. Даже на того дядю, от которого мы убежали.

У меня перехватило горло. Тим помнил Вагнера. Помнил страх, погоню, хоть и был маленьким.

— Отличная идея, — сказала я хрипло. — Давай повесим.

Мы прикрепили рисунок на внутреннюю сторону входной двери, приклеив его кусочком размоченного хлебного мякиша.

Черная клякса скалила зубы, охраняя наш покой.

— Теперь мы в домике, — удовлетворенно сказал Тим.

— В домике, — эхом отозвалась я.

Я посмотрела на рисунок, потом на дверь, ведущую в коридор, где ходил настоящий, живой прототип этого шедевра.

Мы встроили свою жизнь в жизнь чудовища. Мы жили в его крыле, ели его еду и пользовались его защитой. Тим считал его своим защитником. Я считала его своей работой.

Но где-то в глубине души, там, где распускался белый цветок в мертвой оранжерее, зарождалась надежда. Что однажды эта клякса перестанет быть просто кляксой. И станет кем-то большим.

— Пора обедать, мой маленький художник, — сказала я, беря сына за руку. — А мне пора кормить оригинал твоего портрета.

Глава 12

Запах жареного теста — это запах абсолютного, незамутненного счастья. Это аромат детства, ярмарки и того времени, когда самой большой проблемой был выбор начинки.

Я стояла у огромной печи, орудуя шумовкой, и наблюдала, как в кипящем масле всплывают золотистые шарики. Пончики. Мое секретное оружие против осенней хандры и драконьего настроения.

За три дня в роли «главной по тарелочкам» я усвоила простую истину: Генерал Валериан Блэквуд был мужчиной. А путь к сердцу мужчины, даже если он наполовину ящер и может испепелить взглядом, лежит через желудок. Особенно если этот желудок годами набивали подгорелой кашей и жестким мясом.

Я выловила последнюю партию, выложила на блюдо и щедро, от души, посыпала сахарной пудрой.

— Идеально, — прошептала я, слизывая сладкую пыль с пальца.

Теперь вторая часть плана.

Тим сидел в нашей новой роскошной (и уже отмытой) комнате и страдал. Рисование ему надоело. Смотреть в окно на дождь — тоже. Игрушек у нас не было, кроме тех, что он мастерил из подушек. Ему нужны были сказки.

А где живут сказки? В библиотеке.

Библиотека находилась в Восточном крыле, прямо по коридору от кабинета Генерала. Оливер сказал, что Хозяин проводит там большую часть дня, зарывшись в карты и отчеты.

«Рискованно, — подумала я, накрывая корзинку с пончиками льняной салфеткой. — Но кто не рискует, тот не читает ребенку на ночь».

Я поправила передник, пригладила выбившиеся из-под чепца волосы и взяла корзинку. Это был мой щит. Мой пропуск. Никто не убьет человека, который несет еду. Я надеялась.

Двери библиотеки были высокими, тяжелыми, украшенными резьбой в виде переплетенных корней дерева мудрости. Я толкнула створку плечом, стараясь не уронить ношу.

Меня встретил холод.

Если в моих комнатах и на кухне царил уют, то здесь время остановилось где-то в середине зимы. Огромный двусветный зал с галереей второго этажа тонул в полумраке. Тяжелые бархатные шторы были задернуты, не впуская ни лучика света. Воздух пах старой бумагой, кожей переплетов, чернилами и одиночеством.

Стеллажи уходили ввысь, теряясь в темноте под потолком. Тысячи, десятки тысяч книг. Сокровищница знаний, покрытая слоем пыли.

В центре зала, в круге света от магического светильника,

стоял массивный стол. Он был похож на поле битвы: завален свитками, картами, стопками книг и какими-то странными измерительными приборами.

За столом сидел Генерал.

Он даже не поднял головы, когда я вошла. Валериан сидел неподвижно, уперевшись лбом в сцепленные руки. Его плечи были напряжены, словно он держал на них небесный свод. Мундир расстегнут, рукава рубашки закатаны.

Я кашлянула.

— Кхм. Милорд?

Он вздрогнул, но не обернулся.

— Я не звал тебя, Эмилия.

Голос был глухим, уставшим. В нем не было рыка, только бесконечная усталость металла, готового лопнуть.

— Вы пропустили полдник, — сообщила я тоном заботливой, но строгой няньки, подходя ближе. — Оливер сказал, что вы сидите здесь с самого утра.

— Я занят. У меня нет времени на чревоугодие.

— Война войной, а обед по расписанию, — парировала я, ставя корзинку на единственное свободное место на краю стола. — К тому же, мозгу нужен сахар. Это научный факт.

Валериан наконец поднял голову. Его глаза были красными от напряжения, под ними залегли глубокие тени. Он посмотрел на меня, потом на корзинку, накрытую салфеткой.

— Что это?

— Пончики. С пылу с жару.

Он скривился.

— Пончики? Ты решила, что я пятилетний ребенок? Я Генерал Империи, женщина. Я ем мясо и пью вино, а не...

Я откинула салфетку.

Запах свежей сдобы, ванили и жареного теста вырвался на свободу, мгновенно заполнив холодное пространство библиотеки. Он был таким густым и теплым, что казалось, воздух вокруг стола нагрелся на пару градусов.

Генерал замолчал на полуслове. Его ноздри дрогнули. Он втянул воздух, и я увидела, как в его глазах, темных и серьезных, мелькнул голодный блеск. Не драконий. Человеческий.

— Ну, может, один, — буркнул он, стараясь сохранить лицо.

Я улыбнулась (внутренне, конечно, внешне я оставалась сама покорность) и подвинула корзинку ближе.

И тут случилась катастрофа.

Мой локоть задел стопку книг. Стопка покачнулась и толкнула корзинку. Та накренилась.

Пончики остались внутри, но щедрая горка сахарной пудры, которой я их посыпала, сыпанула через край.

Белое облако осело прямо на развернутую перед Генералом карту.

— Ох... — выдохнула я.

Валериан замер. Он смотрел на карту Северной границы, где стратегически важные укрепления в горах теперь были погребены под слоем сладкого снега. Линия фронта стала де-

сертом.

Я зажмурилась, ожидая взрыва. «Сейчас он закричит. Сейчас проснется Зверь».

— Ты... — его голос был тихим и опасным. — Ты только что засыпала сахаром диспозицию третьей армии.

— Простите! — я схватила тряпку (которая всегда была при мне, привычка горничной) и потянулась вытирать.

— Стой! — он перехватил мою руку. Его пальцы были горячими и сухими. — Размажешь — испортишь пергамент. Карты рисуют чернилами, которые боятся влаги.

Он отпустил мою руку и склонился над картой.

— И что теперь делать? Сдуть?

— Лучше стряхнуть, — пискнула я.

Валериан вздохнул. Тяжело, обреченно. Он аккуратно приподнял край карты и ссыпал пудру на пол. Потом посмотрел на меня долгим, нечитаемым взглядом.

— Ты — ходячее стихийное бедствие, Эмилия. Сначала ты врываешься в мой приступ, теперь ты атакуешь мои карты выпечкой. Чего ты добиваешься? Сладкой смерти Генерала Блэквуда?

В его тоне не было злости. Там было что-то другое. Ирония?

— Я просто хотела вас накормить, — я взяла самый красивый пончик и протянула ему. — В качестве извинения. Съешьте. Вам станет легче.

Он взял пончик. Осторожно, двумя пальцами, словно это

была граната с выдернутой чекой. Поднес к лицу. Понюхал.

А потом откусил.

Я затаила дыхание.

В этот пончик я вложила не просто «Сытость». Я вплела туда заклинание «Радость». Легкое, как пух. То самое чувство, когда ты сидишь у окна, пьешь какао и смотришь на первый снег.

Валериан жевал медленно. Его глаза прикрылись. Жесткая складка между бровей разгладилась. Напряжение, которое висело вокруг него плотным коконом, начало таять.

Он проглотил кусок и сразу откусил еще, уже жаднее.

— Ммм... — вырвалось у него.

Это был не стон, но звук был таким... интимным, что у меня вспыхнули щеки. Видеть сурового воина, который наслаждается сладким тестом, перемазавшись в пудре, было странно. И волнительно.

Он доел пончик в три укуса.

На его большом пальце осталась белая сладкая пыль.

Валериан посмотрел на палец. Потом на меня. В его глазах плясали темные искры.

Он поднес палец к губам и медленно, глядя мне прямо в глаза, слизал сахар.

У меня пересохло в горле. В библиотеке стало жарко. Этот жест был настолько простым и одновременно настолько... откровенным, что я забыла, зачем пришла.

— Ты опасная женщина, Эмилия, — произнес он, опуская

руку. — Твоя еда — это наркотик. После неё обычный хлеб кажется картоном.

— Это просто магия быта, милорд, — прохрипела я, отводя взгляд. — Щепотка уюта.

— Уют... — он покатал это слово на языке, как чужеродный предмет. — Забытое слово в этих стенах.

Он потянулся за вторым пончиком.

Пока он был занят уничтожением моей стряпни, я решилась оглядеться. Мой взгляд скользнул по столу, заваленному бумагами.

Среди карт и свитков с печатями лежала толстая книга в черном кожаном переплете. Она была открыта, но Валериан, когда я просыпала сахар, инстинктивно прикрыл её рукой, а потом отодвинул.

Я присмотрелась к заголовку на открытой странице.

«De Natura Maledictum Sanguinis: Методы магического стазиса и подавления родовой памяти».

И ниже, мелким шрифтом, заметки на полях, сделанные его резким почерком: «Ритуал очищения не работает. Кристаллы разрушаются. Сдерживание невозможно без внешнего носителя».

У меня сжалось сердце.

Он не просто сидел здесь и планировал военные походы. Он искал лекарство. Он перерывал древние фолианты, пытаясь найти способ остановить свое безумие.

«Сдерживание невозможно без внешнего носителя».

Внешний носитель. Якорь.

Я.

Я посмотрела на него. Он доедал второй пончик, отряхивая руки над полом. Сейчас, когда он не хмурился, он выглядел моложе. Ему было не больше тридцати пяти, но глаза у него были старика, видевшего слишком много смертей.

Он не чудовище, которое наслаждается властью. Он узник собственного тела, который отчаянно ищет ключ к камере.

Валериан поднял голову и перехватил мой взгляд.

Он проследил за тем, куда я смотрю. Увидел, что я читаю название книги.

Его лицо мгновенно окаменело. Расслабленность исчезла. Он резко захлопнул книгу, поднимая облачко пыли.

— Ты слишком любопытна для служанки, — отрезал он холодно.

— Я умею читать, милорд. Это грех?

— Знание иногда опаснее невежества. Забудь, что видела. Это не твоего ума дело.

Он положил руку на обложку, словно защищая свою тайну. Ему не нужна была моя жалость. Он был слишком горд для этого.

— Как скажете, — я покорно опустила голову. — Я просто...

— Что? — рявкнул он.

— Я пришла не только покормить вас. Мне... нам нужны книги.

— Книги? — он удивленно вскинул брови. — Тебе мало работы? Хочешь почитать трактаты по военной стратегии перед сном?

— Не мне. Тиму. Мальчику. Ему скучно сидеть в четырех стенах. Он изрисовал всю бумагу, которую я нашла. Ему нужны сказки. Или картинки.

Валериан поморщился при упоминании имени сына, но вспышки гнева не последовало. Сахар и магия сделали свое дело — он был сыт и ленив.

— Сказки... — протянул он. — В этой библиотеке хранятся знания, накопленные родом Блэквудов за триста лет. Некромантия, боевая магия, история войн. А ты хочешь найти здесь сказки про феечек?

— Ну, может, есть что-то про рыцарей? Без подробных описаний расчленения?

Генерал хмыкнул. Он откинулся в кресле, глядя на меня с ленивым интересом.

— Вон там, — он махнул рукой в сторону дальнего угла, где стеллажи тонули в тени. — Нижние полки. Секция детской литературы. Моя мать... пыталась привить мне любовь к чтению, прежде чем отец вложил мне в руки меч.

Я просияла.

— Спасибо, милорд!

— Бери что хочешь. Только не смей трогать книги в черных переплетах с серебряными рунами. Они могут откусить пальцы. Буквально.

— Я буду осторожна.

Я подхватила корзинку (оставив ему на столе пару пончиков на блюде — я знала, что он их съест) и поспешила в указанный угол.

Там действительно нашлись детские книги. Старые, в потрепанных тканевых обложках. «Легенды о Первых Драконах», «Сказка о Рыцаре и Луне», «Приключения маленького мага».

Я выбрала три книги с самыми красочными картинками. Сдула с них пыль.

Когда я проходила мимо стола к выходу, Валериан уже снова углубился в изучение карты. Но книга про проклятия исчезла — он убрал её в ящик стола.

— Спасибо за угощение, Эмилия, — сказал он, не поднимая головы. — Завтра принеси еще. С яблоками.

— С яблоками так с яблоками, — я присела в книксене, прижимая книги к груди. — Приятного аппетита, Генерал.

Я вышла из библиотеки, чувствуя спиной его взгляд.

Дверь закрылась, отрезая меня от холода и запаха старой бумаги.

Я прижалась лбом к прохладному дереву створки. Сердце колотилось.

Он не просто Дракон. Он человек, который любит сладкое, стесняется своей слабости и хранит детские книжки на нижней полке.

И он ищет спасения.

Может быть, нам не придется бежать. Может быть, если я буду достаточно стараться... если я смогу не только усмирять его зверя, но и лечить его душу...

— Мама?

Я вздрогнула. Тим выглянул из нашей комнаты в конце коридора.

— Ты принесла сказку?

— Принесла, малыш, — я отлепилась от двери и пошла к нему, чувствуя, как губы сами собой расплываются в улыбке.
— Целых три. И знаешь что? Дядя Дракон сам разрешил их взять.

— Значит, он не злой? — спросил сын, когда я зашла в комнату и заперла замок.

Я посмотрела на пустую корзинку, вспоминая, как Генерал слизывал сахарную пудру с пальца.

— Нет, Тимоша. Он не злой. Он просто очень... одинокий. И ему не хватает сладкого.

Мы уселись на ковер, и я открыла первую книгу. На картинке был нарисован дракон, который нес на спине принцессу.

— Читай! — потребовал Тим.

И я начала читать, а за стеной, в холодном кабинете, самый страшный человек Империи доедал мой пончик и, возможно, впервые за долгое время чувствовал, что в его ледяном замке стало чуточку теплее.

Глава 13 (Тим/Эми)

Тим

Книжка была красивая. Там были картинки: рыцарь в блестящей шапке скакал на лошадке, а дракон сидел на горе и пускал дым колечками. Но картинки не двигались. Я перевернул страницу, потом еще одну. Скучно.

В нашей новой комнате было здорово, как в королевском замке, только очень тихо. Мама ушла «по делам» — она теперь важная, командует кастрюлями. А мне велела сидеть и не высовываться.

— Не высовывайся, Тим. Не шуми, Тим. Будь мышкой, Тим.

Я надул щеки. Я не хочу быть мышкой. Мышки маленькие и их все обижают. Я хочу быть драконом. Или хотя бы тем рыцарем с картинки.

Вдруг с улицы донесся звук.

Дзинь!

Звонкий, как колокольчик, только злой.

Вжих!

Как будто ветер разрезали ножиком.

Я сполз с кровати и подбежал к огромному окну. Оно выходило не во двор, где ходили слуги, а в какой-то другой садик, маленький и закрытый высокими стенами. Там не росла трава, только желтый песок.

Я встал на цыпочки, ухватившись за подоконник.

Там, внизу, был Дядя Дракон.

Только он был не страшный, как вчера, когда горел огнем.

Он был... красивый. И сильный.

На нем не было рубашки. Кожа у него блестела на солнце, как будто её намазали маслом. На спине были нарисованы белые полосы-шрамы, но они двигались, когда он махал руками.

В руках у Дяди был меч. Настоящий! Длинный, железный, он сверкал так ярко, что больно было смотреть.

Дядя крутился, прыгал и бил мечом воздух.

Вжих! Вжих!

Он сражался с кем-то невидимым. Может, с привидениями? Или с ветром?

У меня перехватило дыхание. Это был самый крутой танец, который я видел. Круче, чем пляски скоморохов на ярмарке.

Я посмотрел на дверь в коридор. Заперта. Мама не забывает поворачивать ключ.

Я посмотрел на стеклянную дверь, которая вела на маленький балкончик с лесенкой вниз, в сад.

Я подошел и толкнул её. Тяжелая. Я уперся лбом в стекло и надавил всем весом. Ручка скрипнула, и дверь поддалась. Сюда заходить никто не боялся, поэтому замка тут не было.

Я выскользнул на балкон. Теплый воздух пах пылью и нагретым камнем.

В углу балкона валялась палка. Наверное, ветка, которую принес ветер. Она была длинная и прямая. Почти как меч.

Я схватил её двумя руками. Она была шершавая и приятная.

— Я иду на помощь! — прошептал я.

Я спустился по каменным ступенькам вниз. Тихо-тихо, как кот, который крадется за колбасой. Спрятался за толстой колонной, увитой сухим плющом.

Дядя Дракон был совсем рядом. Он дышал громко: «Ххх! Ххх!».

Он сделал выпад, и меч рассек воздух со свистом.

Я выглянул из-за колонны. Мне тоже так захотелось! Чтобы быть сильным. Чтобы защищать маму от плохих людей.

Я вышел на песок. Поднял свою палку.

Дядя стоял ко мне спиной. Он меня не видел.

Я расставил ноги широко-широко, как он. Поднял палку над головой.

— Хыть! — сказал я шепотом и рубанул воздух.

Палка была тяжеловата. Меня занесло в сторону. Я качнулся, наступил на свой же тапок и с громким шлепком упал на песок, больно ударившись коленкой и носом.

— Ай! — вырвалось у меня.

Звук меча мгновенно прекратился.

Стало очень тихо. Только мое сердце стучало: тук-тук-тук.

На меня упала тень. Большая и темная.

Я зажмурился. Сейчас он зарычит. Сейчас превратится в чудовище и выгонит нас. Или съест. Мама говорила, что он не любит детей.

— Вставай.

Голос был не рычащий. Он был спокойный и твердый, как земля под ногами.

Я открыл один глаз.

Надо мной возвышался Генерал. Он был огромный, как гора. Пот катился по его груди. Меч он опустил острием вниз.

Он смотрел на меня сверху вниз, но глаза у него были не черные, а синие. И зрачки были обычные, круглые.

Я шмыгнул носом, утирая песок с щеки. Плакать нельзя. Рыцари не плачут.

Я кое-как поднялся, отряхивая штанишки. Коленка саднила, но я терпел. Поднял свою палку с земли.

— Я... я помогал, — пробормотал я, глядя в пол.

— Помогал? — переспросил Дядя. — Убивать воздух?

— Врагов, — поправил я. — Невидимых.

Уголок его рта дернулся.

— Понятно. И как успехи?

— Я упал, — честно признался я.

— Все падают, — серьезно сказал он. — Главное — встать. Но ты неправильно держишь оружие.

Он воткнул свой настоящий меч в песок (он вошел туда легко, как в масло) и подошел ко мне.

Я замер. Он был горячий, как печка. От него пахло железом.

Валериан (так его называла мама, когда думала, что я сплю) опустился на одно колено. Теперь он был со мной одного роста.

— Дай сюда, — он протянул руку.

Я вложил свою палку в его огромную ладонь. В его руке она казалась спичкой.

— Это не поварешка, чтобы мешать кашу, — сказал он, возвращая мне «меч». — И не лопата. Не сжимай так сильно, пальцы устанут.

Его большая, шершавая рука накрыла мои ладошки. Он разжал мои пальцы и переставил их.

— Вот так. Правая выше, левая ниже. Это рычаг. Понимаешь?

Я кивнул, хотя про рычаг не понял. Но держать стало удобнее.

— Ноги шире, — скомандовал он. — Согни колени. Ты должен быть устойчивым, как дерево. Если ноги прямые — тебя сдует первым же ударом.

Я раскорячился, стараясь быть похожим на дерево.

— Спину прямо. Смотри на противника, а не на свои ботинки. Ботинки на тебя не нападут.

Он встал и отошел на шаг.

— А теперь ударь. Сверху вниз. Используй не только руки, но и корпус.

Я набрал в грудь воздуха. Представил, что передо мной стоит злой колдун (или Оливер, когда он ворчит).

— Хы-а! — я ударил палкой воздух.

Получилось! Я не упал. И палка свистнула. Тихонько, но свистнула!

— Неплохо, — кивнул Генерал. — Для начала.

Я засиял, как начищенный таз. Меня похвалили! Сам Генерал Драконов!

— А ты научишь меня делать «вжих-вжих»? — спросил я, забыв про страх. — Как мельница?

Валериан посмотрел на меня странно. Как будто видел впервые.

— Мельница — это сложно, — медленно произнес он. — Сначала научись просто держать меч и не падать. Приходи завтра. В это же время.

— Правда?! — я подпрыгнул.

— Если будешь вести себя тихо и не мешать. А теперь марш в комнату. У тебя нос в песке.

Он отвернулся и пошел к своему мечу. Выдернул его из песка одним движением.

Я смотрел ему в спину с восторгом. Он был самый сильный и самый лучший. И совсем не злой. Мама ошиблась.

Эмилия

Я бежала по коридору Восточного крыла, прижимая к груди стопку чистого белья, и сердце мое отбивало чечетку где-

то в горле.

Я оставила его одного всего на полчаса. Полчаса! Нужно было спуститься в прачечную за свежими простынями для Генерала. Тим обещал рисовать. Он клялся своим любимым леденцом, что не сдвинется с места.

Но когда я вошла в комнату, там было пусто.

Рисунок лежал на полу. Балконная дверь была распахнута настежь, и занавеска тревожно билась на ветру.

— Тим! — выдохнула я, роняя белье на ковер.

В голове пронеслись самые страшные картины. Он упал с балкона. Он убежал в лес. Его съел Теневой Пес (которого, по слухам, Генерал восстановил сегодня утром). Его нашел Валериан.

Последнее было самым страшным.

Валериан разрешил нам остаться, да. Но условие было жестким: «Я не хочу его видеть».

Я выскочила на балкон.

Внизу, в закрытом внутреннем дворе, залитом полуденным солнцем, разворачивалась сцена, от которой у меня подкосились ноги.

Я вцепилась в каменные перила, боясь вдохнуть.

Посреди площадки, засыпанной песком, стоял мой сын. Маленький, взъерошенный, с грязным носом и какой-то корягой в руках.

А рядом с ним стоял Генерал.

Валериан был без рубашки. Я видела его таким мельком,

в кабинете, во время бури, но тогда мне было не до разглядывания. Сейчас же...

Святые небеса.

Широкая спина, бугрящаяся мышцами при каждом движении. Мощные руки, способные, кажется, согнуть подкожу. На коже блестел пот. Шрамы, которые раньше выглядели воспаленными и багровыми, теперь побелели и стали почти незаметны — моя магия лечения работала даже на расстоянии.

Он выглядел как античный бог войны, сошедший с пьедестала, чтобы размяться. Опасный. Смертоносный. Прекрасный.

Но шокировало меня не это.

Он не кричал. Он не выгонял Тима.

Он стоял на одном колене перед моим сыном и что-то поправлял в том, как Тим держал палку. Его огромная ладонь накрывала детские пальчики. Жест был... осторожным. Почти бережным.

Валериан что-то сказал. Тим кивнул, серьезный, как маленький старичок, и неуклюже взмахнул своей «шпагой».

Генерал встал. Он не ушел. Он наблюдал.

У меня защипало в глазах.

Я столько лет бежала, пытаюсь заменить Тиму отца. Я учила его читать, вырезала игрушки, рассказывала сказки. Но я не могла научить его быть мужчиной. Я не могла научить его стоять твердо и держать удар.

А это Чудовище, этот проклятый убийца, которого боялась вся Империя... он просто взял и показал. Без сюсюканья. Без раздражения. Как воин воину.

Валериан вдруг замер.

Он медленно поднял голову.

Наше расстояние было приличным — второй этаж, — но я почувствовала, как его взгляд коснулся меня физически. Теплая волна пробежала по телу.

Он увидел меня.

Я ожидала увидеть в его глазах гнев. «Ты не уследила за щенком!».

Но гнева не было.

Он стоял, опираясь на свой двуручный меч, и смотрел на меня с каким-то странным вызовом. На его губах играла едва заметная, кривая ухмылка. Он знал, что я видела. И ему это нравилось.

Он блестел на солнце, как медная статуя, и прекрасно знал, какое впечатление производит.

«Смотри, Эмилия. Я не убил его. Я не такой плохой, как ты думаешь».

Или, может: «Смотри, Эмилия. У меня красивое тело, правда?»

Я вспыхнула, чувствуя, как жар приливает к щекам. Он дразнил меня. Он играл со мной.

Тим внизу заметил меня.

— Мама! — завопил он, размахивая палкой. — Смотри!

Я рыцарь! Дядя сказал, что я молодец!

Валериан усмехнулся шире, отсалютовал мне двумя пальцами от виска, подхватил полотенце с лавки и пошел к дверям в нижний зал, оставив меня на балконе с колотящимся сердцем и полным хаосом в голове.

Я сползла по стене вниз, прижимая ладони к горящим щекам.

— Ох, Эми, — прошептала я. — Ты попала. Ты так сильно попала.

Потому что в этот момент я боялась не того, что он выгонит нас. Я боялась того, что мне самой расхочется уходить.

— Мама, ты видела?! — Тим уже топал по лестнице вверх, возвращаясь в комнату.

Я встала, отряхнула платье и постаралась напустить на себя строгий вид.

— Видела, — сказала я, встречая чумазого сына на пороге. — А еще я видела, кто открыл дверь без разрешения.

Тим виновато опустил глаза, но улыбка не сходила с его лица.

— Но он же научил меня! Он сказал приходить завтра!

— Завтра? — переспросила я.

— Ага. В это же время.

Я посмотрела на пустой двор, где на песке остались следы огромных сапог и маленьких тапочек.

Генерал пригласил сына своей служанки на тренировку. Мир окончательно сошел с ума. Или... или он начал исце-

ляться.

— Ладно, рыцарь, — я вздохнула, подхватывая сына на руки (он стал тяжелым, или я просто устала?). — Марш мыться. Ты весь в песке. А потом обед. И только попробуй сказать Генералу за столом хоть слово про «вжих-вжих».

Хотя... за столом мы с ним не увидимся. Он ест в столовой, а мы здесь.

Но теперь, глядя на закрытую дверь, за которой скрылся Валериан, я впервые подумала, что, может быть, эти стены между нами не такие уж и непробиваемые.

Глава 14

Утро пахло пчелиным воском, лимонным маслом и свежесрезанными гортензиями.

Я стояла посреди Парадного Холла, критически оглядывая результат своих трудов. Черно-белые плиты пола, которые еще неделю назад напоминали шахматную доску в заброшенном склепе, теперь сияли так, что в них отражались солнечные зайчики. Тяжелые портьеры были выбиты и отпарены. А в огромной напольной вазе, чудом уцелевшей во время приступов Генерала, стоял пышный букет голубых гортензий — первый урожай из возрожденной оранжереи.

Замок дышал.

Это было странное чувство. Раньше «Черная Скала» казалась мне умирающим зверем, который хрипит и грызется на любого, кто подойдет близко. Теперь же зверь сыто урчал, подставляя бока под солнечные лучи.

Я поправила манжеты на своем новом платье — темно-сером, из добротной шерсти, с белым воротничком. Статус личной помощницы обязывал выглядеть строго, но прилично.

В голове все еще крутились картинки вчерашнего дня. Валериан на тренировочном плацу. Солнце на его коже. Его рука, накрывающая ладошку Тима.

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение. Нельзя об

этом думать. Это опасно. Генерал — мой работодатель и, по совместительству, ходячая магическая бомба. Тот факт, что он научил моего сына держать палку, не делает его добрым дядюшкой.

— Эмилия!

Крик Оливера разорвал тишину, как выстрел.

Старый управляющий выкатился из бокового коридора. Он был красен, взъерошен и, кажется, близок к апоплексическому удару.

— Беда! — просипел он, хватаясь за грудь. — Труби сбор! То есть... прячь всё! Прячь ребенка!

У меня похолодело внутри.

— Вагнер? — это было первое имя, которое всплывало в моем мозгу при слове «беда».

— Хуже! — Оливер махнул рукой в сторону главных ворот. — Императорские гербы! Леди Мармора! Карета уже на мосту!

Я выдохнула. Не Вагнер. Слава богам. Но имя «Мармора» мне ничего не говорило, кроме того, что оно звучало твердо и холодно, как мраморная плита.

— Кто это?

— Дальняя племянница Императора, — Оливер судорожно одергивал камзол. — Самая богатая невеста столицы. И, к нашему несчастью, она вбила себе в голову, что стать женой Генерала Блэквуда — это отличная партия. Она здесь, чтобы... проверить владения.

— Невеста? — переспросила я, чувствуя странный укол где-то под ребрами. — Генерал собирается жениться?

— Генерал собирается послать её к демонам, как и всех предыдущих, — буркнул старик. — Но она — родня Императора. С ней нельзя просто... рычать. Эмилия, ребенок! Если она увидит щенка, она его живьем съест. Эта женщина ненавидит конкуренцию, даже воображаемую.

Я не стала задавать лишних вопросов.

— Тим в нашей комнате, — быстро сказала я. — Дверь заперта, ключ у меня. Я сказала ему, что мы играем в «подводную лодку» — нельзя издавать ни звука, пока я не постуachu три раза.

— Молись, чтобы лодка не всплыла, — Оливер вытер пот со лба. — Вставай рядом со мной. Ты теперь лицо замка. Улыбайся. И молчи, пока не спросят.

Грохот колес по брусчатке внутреннего двора возвестил о прибытии гостей.

Тяжелые створки парадных дверей распахнулись. Внутри ворвался порыв ветра и два лакея в ливреях цвета бордо и золота. Они замерли по стойке смирно, открывая проход.

Следом вошла Она.

Леди Мармора была красива той хищной, глянцевой красотой, которую можно купить только за очень большие деньги. Высокая, статная, с копной огненно-рыжих волос, уложенных в сложную прическу. На ней было дорожное платье из темно-зеленого бархата, расшитое золотом, которое сто-

ило, наверное, больше, чем весь этот замок.

Она вошла в Холл так, словно владела им по праву рождения.

За ней семенила служанка с собачкой на руках — дрожащим существом с выпученными глазами и бантиком на голове.

— Боги, какая дыра, — произнесла Леди Мармора вместо приветствия. Её голос был звонким и капризным. — Я думала, дорога никогда не кончится. Оливер, ты еще жив? Я была уверена, что Валериан давно скормил тебя своим теням.

— Ваша Светлость, — Оливер согнулся в поклоне так низко, что хрустнули суставы. — Добро пожаловать в «Черную Скалу». Мы... не ждали вас так скоро.

Мармора стянула с рук тонкие лайковые перчатки. Она даже не посмотрела на старика. Её взгляд, цепкий и холодный, скользнул по стенам, по чистому полу, по букету гортензий.

— Не ждали? — она хмыкнула. — Заметно. Хотя... — она провела пальцем по перилам лестницы. Палец остался чистым. — Странно. Я помню этот склеп другим. Грязным и вонючим.

Она повернулась и посмотрела на меня.

Я стояла, опутив глаза, как и полагается хорошей служанке.

— А это еще кто? — спросила она брезгливо. — Новая грелка для постели?

У меня вспыхнули щеки, но я заставила себя промолчать.

— Это Эмилия, — поспешно вмешался Оливер. — Новая экономка и личная помощница Генерала.

— Помощница, — Мармора рассмеялась. Смех был похож на звон битого стекла. — Ну конечно. Держи.

Она швырнула в меня свои перчатки и тяжелый дорожный плащ, который сняла с плеч одним движением.

Я поймала вещи на лету. Бархат был теплым и пах удушливо-сладкими духами — роза, мускус и что-то металлическое. Этот запах мгновенно забил легкие, вытесняя свежесть гортензий.

— Отнеси в гостевые покои. И прикажи нагреть воды. Я хочу смыть с себя эту дорожную пыль.

— Миледи, — подал голос Оливер. — Генерал не давал распоряжений о подготовке комнат...

— Мне не нужны распоряжения Генерала, чтобы остановиться в доме моего будущего мужа, — отрезала она. — Где Валериан? Надеюсь, он не бегает по лесам голым, как в прошлый раз?

— Я здесь, Леди Мармора.

Голос Валериана прозвучал с вершины лестницы, холодный и спокойный, как ледник.

Мы все подняли головы.

Генерал стоял на верхней площадке. Он был в своем черном военном мундире, застегнутом на все пуговицы. Серебряные драконы на воротнике тускло поблескивали. Его лицо

было непроницаемой маской, но я, уже изучившая его привычки, видела, как напряглись желваки на его скулах.

Он был в ярости.

— Валериан! — Мармора расплылась в улыбке, которая не коснулась глаз. — Милый! Ты выглядишь... сносно.

Она двинулась к лестнице, шурша юбками.

Валериан начал спускаться. Он двигался медленно, каждый шаг отдавался глухим стуком сапог.

— Зачем ты приехала, Мармора? — спросил он, остановившись на последней ступеньке. Он не протянул ей руки. Не сделал шага навстречу.

Она замерла, наткнувшись на стену его холода.

— Соскучилась, — она надула губы. — И потом, дядя Император беспокоится. Говорят, ты совсем одичал здесь. Проклятие прогрессирует, слуги бегут... Я решила лично проверить, не пора ли заказывать траурное платье. Или свадебное.

Она подошла к нему вплотную и положила руку в перстнях ему на грудь.

— Но я вижу, слухи преувеличены. Ты не пахнешь безумием, Валериан. Ты пахнешь... — она принюхалась, и её нос сморщился. — Мылом? И травами?

Валериан аккуратно, двумя пальцами, снял её руку со своего мундира.

— Я занят, Мармора. У меня нет времени на светские беседы. Замок не готов к приему гостей.

— Глупости, — она обошла его кругом, разглядывая холл.

— Замок выглядит лучше, чем когда-либо. Чисто. Светло. Даже цветы есть. Кто это сделал? Оливер слишком стар для такого рвения.

Её взгляд снова упал на меня.

Я стояла у вешалки, сжимая её плащ. Я хотела стать невидимой. Исчезнуть. Раствориться в воздухе, как Теневой Пес.

Интуиция Мармору сработала безошибочно. Хищник почувал конкурента. Не женщину — нет, я была для неё пылью под ногами. Она почувала влияние.

— Это она? — Мармора указала на меня веером. — Та самая «помощница»?

— Эмилия занимается хозяйством, — сухо ответил Валериан. — Она привела замок в порядок. Это её работа.

— Хм, — Мармора сузила глаза. — Слишком миловидная для экономки. И слишком... живая для этого места. Обычно рядом с тобой все вянут, милый. А эта цветет.

В воздухе повисло напряжение. Температура в холле начала расти. Я чувствовала, как магия Валериана начинает закипать, реагируя на раздражитель.

— Оливер, — рявкнул Генерал. — Проводи Леди Мармору в Синие покои.

— Я хочу чаю, — перебила его гостья. — С дороги у меня пересохло в горле. В Малую гостиную. И пусть подает она.

Она ткнула в меня пальцем.

Валериан посмотрел на меня. В его глазах я прочитала предупреждение: «Терпи. Не провоцируй».

— Как пожелаете, миледи, — сказала я тихо. — Чай будет подан через пять минут.

Малая гостиная была моим любимым местом в замке (после оранжереи). Уютная, с камином и мягкими креслами. Я потратила два дня, чтобы вычистить обивку и восстановить потускневшую позолоту на рамах зеркал.

Теперь здесь сидела Леди Мармора, и комната казалась отравленной.

Она расположилась в кресле Генерала, закинув ногу на ногу. Валериан стоял у окна, глядя на улицу. Он выглядел как тигр в клетке, которого тыкают палкой.

Я вошла с подносом. Серебряный чайник, тончайший фарфор, вазочка с печеньем (тем самым, которое так любил Тим).

— Поставь здесь, — Мармора указала на низкий столик.

Я подошла, стараясь не звенеть посудой. Руки предательски дрожали. Эта женщина излучала такую волну высокомерия и скрытой угрозы, что мне хотелось бросить поднос и убежать.

Я начала разливать чай. Янтарная струя, аромат бергамота.

— Скажи мне, милочка, — лениво произнесла Мармора, разглядывая свои ногти. — Где Валериан тебя нашел? В канаве? Или ты из тех девиц, что караулят солдат у казарм?

— Я нанялась на службу через управляющего, миледи, —

ответила я ровно, глядя на чайник.

— У тебя слишком прямая спина для служанки, — заметила она. — И руки... — она схватила меня за запястье. Её хватка была железной. — Слишком нежные. Хотя ожоги портят вид. Неужели Генерал любит погорячее?

Я дернулась, но она не отпустила.

— Отпусти её, Мармора, — голос Валериана прозвучал от окна. Тихий, но вибрирующий от сдерживаемой силы.

— О, ты защищаешь её? — она рассмеялась, отпуская мою руку с брезгливым жестом, словно коснулась жабы. — Как трогательно. Чудовище завело себе питомца.

Она взяла чашку. Сделала глоток. Скривилась.

— Помои. Слишком горячо.

И она выплеснула содержимое чашки прямо на ковер. На тот самый ковер, который я вчера чистила магией, стоя на коленях, пока у меня не закружилась голова.

Коричневое пятно расплылось по бежевому ворсу.

— Убери, — приказала она. — И принеси нормальный чай.

Я застыла. Это было не просто хамство. Это была проверка. Она метила территорию. Она показывала Валериану, кто здесь будет хозяйкой, а мне — мое место.

Я посмотрела на Генерала.

Он отделился от окна. Вокруг него воздух дрожал, как над асфальтом в жару. Тени в углах комнаты сгустились и потянулись к нему. В его глазах разгорался тот самый страшный

огонь, который я тушила несколько дней назад.

Если он сейчас сорвется — он убьет её. Родственницу Императора. И тогда нам всем конец. Имперские маги придут и сожгут «Черную Скалу» дотла вместе с Тимом.

Я должна это остановить.

— Сию минуту, миледи, — сказала я покорным голосом.

Я опустила на колени перед пятном. Достала из кармана передника чистую тряпку.

— Какая послушная, — промурлыкала Мармора, наблюдая за мной сверху вниз. — Знает свое место. Это похвально. Может быть, я оставлю тебя, когда мы с Валерианом поженимся. Будешь мыть за моей собачкой.

Я положила руку на мокрое пятно.

Я не просто вытирала. Я выпустила крошечный импульс магии. Не «Чистоту». Я использовала «Холод».

Пятно на ковре мгновенно замерзло, превратившись в ледяную корку, которая тут же рассыпалась кристаллами. Но главное — волна моего холода коснулась ног Валериана.

Это был сигнал. «Я здесь. Я держу тебя. Не взрывайся».

Валериан замер. Он посмотрел на меня. Я подняла голову и встретилась с ним взглядом. В моих глазах была мольба.

«Пожалуйста. Ради меня. Ради нас».

Он шумно выдохнул носом. Тени отступили. Сжатые кулаки разжались.

— Мармора, — произнес он ледяным тоном. — Ты устала с дороги. Тебе пора отдыхать.

— Ты выгоняешь меня? — она картинно вздохнула. — Ну хорошо. Я действительно устала смотреть на это убожество. Она встала, едва не наступив мне на руку каблуком.

— Эй, ты, — бросила она мне. — Подготовь мне ванну. С розовым маслом. И чтобы вода была не кипятком, как этот чай.

Она вышла из комнаты, оставив за собой шлейф ядовитых духов.

Я осталась сидеть на полу.

Валериан подошел ко мне. Он протянул руку.

— Вставай.

Я вложила свою ладонь в его. Он рывком поднял меня на ноги. Его пальцы были горячими, но хватка — бережной.

— Ты не должна была этого делать, — процедил он сквозь зубы. — Я бы вышвырнул её в окно.

— Она племянница Императора, Валериан, — тихо сказала я, впервые назвав его по имени. — Вы не можете выкинуть её в окно. Это война.

— Пусть будет война! — рыкнул он. — Никто не смеет унижать моих людей в моем доме!

«Моих людей».

Сердце пропустило удар.

— Она просто гостя, — сказала я, стараясь успокоить и его, и себя. — Она уедет.

— Она не уедет, — мрачно ответил Генерал. — Она привезла пять сундуков. Она собирается здесь окопаться. Она

чувствует, что замок изменился, что проклятие ослабло. И она хочет прибрать это к рукам.

Он посмотрел на дверь, за которой скрылась Мармора.

— Слушай меня внимательно, Эмилия. Не попадайся ей на глаза. Делай минимум. И, ради всех богов, держи Тима в комнате. Если она узнает про ребенка... она использует его, чтобы шантажировать меня. Или тебя. Эта женщина — гадюка.

— Я поняла, — кивнула я.

— Иди к себе. Я прикажу Оливеру заняться её ванной. Ты не будешь ей прислуживать.

— Я прислуга, Валериан. Это моя работа.

— Ты моя прислуга, — отрезал он, и в его голосе прозвучали собственнические нотки. — Ты касаешься только меня. И моей постели. А к ней... к ней не приближайся.

Он отпустил мою руку.

— Иди.

Я вышла из гостиной, чувствуя, как дрожат колени.

Идиллия закончилась. В замок пришла беда в бархатном платье. И эта беда была умной, жестокой и наблюдательной.

Я побежала в Восточное крыло, к своей комнате. Мне нужно было убедиться, что Тим все еще играет в подводную лодку и не решил всплыть в самый неподходящий момент.

Потому что если Мармора увидит моего сына, она поймет то, что пока не понял даже сам Валериан. Что в этом замке есть сокровище, дороже золота. И она захочет его уничто-

ЖИТЬ.

Глава 15

Список гастрономических капризов Леди Мраморы напоминал объявление войны, написанное на надушенной розовой бумаге.

Я стояла посреди кухни, уперев руки в бока, и перечитывала этот шедевр кулинарного шантажа.

— «Фазан в винном соусе с трюфелями», — процитировал Оливер загробным голосом, заглядывая мне через плечо. — «Спаржа на пару под голландским соусом». «Легкое суфле из артишоков». Эмилия, мы покойники.

Старик выглядел так, словно уже мысленно примерял деревянный макинтош.

— У нас нет фазана, — констатировал он очевидное. — Из птицы у нас только старые курицы, которые помнят коронацию прошлого Императора. Спаржу мышь съела еще зимой. А трюфели в последний раз видели в этом замке, когда бабушка Генерала была жива.

Я скомкала розовый листок и швырнула его в топку очага. Бумага вспыхнула веселым зеленым пламенем — видимо, пропитана ядом, как и сама хозяйка.

— Спокойно, Оливер, — я закатала рукава платья. — Генерал сказал: «Накорми её». Он не уточнял, чем именно.

— Но если она поймет, что вместо фазана ей подсунули курицу... — Оливер схватился за сердце. — Она устроит

скандал. Валериан терпеть не может скандалы за столом. У него от этого... несварение магии случается.

— Она не поймет, — твердо сказала я. — Потому что на кухне сегодня не просто кухарка. Здесь сегодня ведьма.

Я подошла к разделочному столу, где лежали две синюшные куриные тушки. Вид у них был печальный.

Бытовая магия — это не только уборка пыли. Это искусство убеждения. Я должна была убедить эту жесткую, жилистую плоть, что она нежная, сочная и благородная дичь.

Я пол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.